

Терри Гудкайнд

Сердце из черного льда

«Хроники Никки. Том 4»

Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Terry Goodkind

Heart of Black Ice

The Nicci Chronicles

Перевод с английского *Татьяны Алексеевой и Dr. Pertseff*

Под редакцией *Дмитрия Великого и Татьяны Алексеевой*

Компьютерный дизайн и обложка *Дмитрия Великого*

Корректоры *Дина Зайцева и Валерия Невдах*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*

Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

В Древнем мире вновь бушует война, а на побережье появилась новая угроза. Лила и Бэннон, попавшие в плен к своему врагу, королю Скорбь, обнаруживают ужасающую силу, которая стремится разрушить Древний мир.

Норукайцы — варвары, налетчики и работорговцы — построили внушительный флот на суровых каменистых островах. Численность этого врага больше, чем кто-либо подозревает, и норукайцы готовы начать свою последнюю и самую смертоносную войну.

Информационные ресурсы:

vk.com/mord.sith.club — Группа перевода «Клуб Морд-Сит»

terrygoodkind.ru — Поклонники Терри Гудкайда

Группа перевода «Клуб Морд-Сит», 2025

Колдунья спасет мир

Глава 1

Из поросших лесом холмов Натан наблюдал за огромной армией генерала Утроса. Потрепанный волшебник стоял в тени от раскидистых дубов и тонких сосен. Некогда белый балахон, надетый поверх черных штанов и изящной рубашки, теперь был покрыт грязью и сажей. Натан продолжит сражаться с древним врагом. Ильдакар исчез, но он и ополченцы еще живы.

Сто пятьдесят тысяч воинов, заполонивших долину, пробудились и готовились пройти маршем через Древний мир. Пятнадцать столетий назад легендарный генерал Утрос осадил Ильдакар — город с высокими стенами, великолепными зданиями и прекрасными садами. Городские волшебники при помощи уникального заклинания окаменения обратили армию в статуи, но теперь оно развеялось, и непобедимая армия возобновила атаку. Отчаявшись спасти легендарный город, выжившие волшебники накрыли Ильдакар саваном вечности... а Натан и его спутники остались снаружи. Теперь лишь они стоят на пути армии, способной завоевать континент.

— Добрые духи... — он выдернул сухую травинку из своих длинных белых волос.

Невероятная военная мощь напомнила ему войско Имперского Ордена, вставшего на равнинах Азрита под Народным Дворцом. Натан не терял надежды, ведь армия Джеганя потерпела поражение — но тогда с Натаном был Ричард Рал. И Никки...

Аббатиса Верна поправила юбки и села на покрытый лишайником валун.

— Уходя из Твердыни, мы не ожидали встретить армию на своем пути. Мы лишь надеялись отыскать Ильдакар.

— Ильдакар исчез, — простонал волшебник Ренн, с шумом шагая к ним через подлесок. Он схватился за узлова-

тую сосновую ветку и посмотрел на то место, где совсем недавно был его славный город. Отстраненно нахмурившись, он стер пятно смолы с потрепанного бордового балахона. — Волшебники укрыли Ильдакар от самого времени. Они даже не подумали о тех, кто остался снаружи. — Его обвисшие щеки были прочерчены глубокими морщинами. — Во всяком случае, теперь они в безопасности... я полагаю.

— Нужно по максимуму использовать что имеем, — сказал Натан.

Он чувствовал одиночество острее, чем остальные, потому что потерял не только город. Выжженная полоса на поле боя мучительно напоминала о том, как дорогая Эльза пожертвовала собой, погибнув в пекле магии переноса и уничтожив тысячи солдат генерала Утроса. Эта победа далась слишком большой ценой. Вместо торжества в новом сердце Натана поселилась мрачная печаль.

Пока вражеская армия не пришла в себя, Натан и его спутники отступили в холмы, где натолкнулись на экспедицию из Твердыни — аббатису Верну, нескольких сестер Света, многочисленных ученых и отряд д'харианских солдат во главе с генералом Зиммером. Однако их объединенные силы не могли противостоять гигантской армии.

Натан так упорно и так долго сражался, что у него даже не было возможности осмыслить потери.

— Как Никки вернется к нам? Если Ильдакар исчез, то куда она отправится? Куда сильфида переместит ее из Серримунди?

Никки спешно отправилась в прибрежный город, чтобы предупредить об угрозе для Древнего мира. Из-за исчезновения Ильдакара она застряла на другом конце страны.

— Помощь Никки нам не помешала бы, — призналась Верна. — Но мы и сами на кое-что способны. Не забывай об этом.

Натан погладил подбородок:

— Не забываю, дорогая аббатиса, но колдунья не единственная, кого мы потеряли. — Он не знал, что случилось с Бэнноном, который сражался в Ильдакаре, когда город исчез. Натан надеялся, что пылкий молодой мечник сейчас в безопасности под саваном. — Не так я представлял нашу встречу. — Он сел рядом с Верной на валун. — Я столетиями пытался освободиться от сестер Света, и вот мы снова вместе.

— Да, снова. — Аббатиса устало улыбнулась и заправила за левое ухо прядь каштановых с проседью волос. — Но нам нужно двигаться дальше.

— И куда? — спросил Ренн, метавшийся среди сосен. — Просто сбежим? Мы не сможем победить генерала Утроса.

Лорд Орон с надменным видом подошел к ним; его толстая светлая коса была перекинута через плечо, а узкое лицо покрывали крапинки свежей крови.

— Как лучше действовать? Мы не какая-то шайка. Может, стоит создать свой совет одаренных для борьбы с Утросом?

— Довольно маленький совет, — кисло сказал Ренн.

— Ты забываешь, как много среди нас одаренных, — сказала Верна. — Не стоит недооценивать сестер Света и ученых Твердыни.

К обсуждению присоединилась леди Ольга, завернутая в маскировочный шелк, который произвели ее шелковичные черви.

— Не стоит недооценивать никого из нас. Но мы не можем прятаться в кустах и смотреть на армию. Какой выберем план?

Натан осознал, что все смотрят на него:

— Теперь я ваш лидер? Назовите меня главнокомандующим волшебником? — Он нашел это забавным, поскольку совсем недавно вообще не мог использовать дар. — Никогда не желал такой должности.

Бывший раб Ренделл тем временем распределял дорожную еду:

— Лучшего предложить не могу, ведь разжигать костер опасно.

Старик сражался за свой город вместе с другими освобожденными рабами и рисковал жизнью, чтобы Эльза могла начертить смертоносную руну переноса. Теперь Ренделл оказался за пределами Ильдакара.

Орон нахмурился при виде скудной пищи — он привык к изысканным обедам знати.

— Как и все, я люблю вкусную еду, чистую одежду и мягкую постель, но в данных обстоятельствах готов терпеть неудобства. — Натан без жалоб принялся жевать сухофрукты и вяленое мясо.

— Разработаем смелый план разгрома гигантской армии? — спросил Лео, один из волшебников Ильдакара. Глаза его блестели, но улыбка казалась вымученной. — С чего начнем?

— Лани могла бы предложить неожиданную идею. — Ренн вздохнул, с тоской смотря туда, где раньше был большой город. — Я больше ее не увижу. Когда я уходил, она была статуей, в которую ее превратила властительница Тора, но заклинание должно было уже рассеяться. Я скучаю по ней... — За время долгого и трудного путешествия тучный волшебник сбросил вес, его лицо похудело, а кожа обвисла. — Хотел бы я снова поговорить с ней. Прошло немало столетий. — Он вздохнул с надеждой. — Может, если сумеем вернуться под саван вечности...

— Лани мертва. Ее убили колдуньи генерала, — бесцеремонно сказал Орон. — Тебе никто не сказал?

— Мертва? — Ренн побледнел так, что кожа его стала похожа на мрамор. Орон будто говорил с ним на другом языке. Он повернулся к Натану: — Что он такое говорит?

Бывшему пророку хотелось поджечь волосы Орона за такую бестактность.

— Мне очень жаль, Ренн. Ее убили... — Он прочистил горло и постарался говорить как можно спокойнее: — Лани при помощи разлитой воды шпионила за лагерем генерала, но Ава и Рува обратили магию против нее. Они... утопили ее. — Он покачал головой. — Мы с Эльзой пытались помешать, но не смогли.

Ренн закрыл лицо руками:

— Это была моя единственная ниточка надежды. — Плечи волшебника вздрагивали от рыданий. — Я ждал ее. Я защищал ее. Я оплакивал ее... Она... — он с трудом подбирая слова, — она очень много значила для меня.

— Мне горестно от того, что ты ее больше не увидишь, — сказал Натан. — Она была храброй и сильной. Я никогда не забуду, что она сделала.

— Нет времени кого-то оплакивать, — голос Ольгии звучал мрачно и раздражительно. — Очень многие погибли, и нам тоже нелегко. Подумай о моем сыне Броке, сыне Орона Джеде, о тысячах бойцов. Все они были для кого-то важны.

— И все равно это больно, — сердито глянул на нее Ренн.

— Да, больно, друг мой, — согласился Натан, думая об Эльзе и о том, что она значила для него. — И мы должны сполна отплатить врагу за эту боль.

Из леса неподалеку донеслись крики, и Натан вскочил, хватаясь за меч. Отдыхавшие солдаты генерала Зиммера

обнажили оружие и выстроились для обороны. Из леса бежали люди.

— Всем приготовиться! Они уже здесь! — В голосе Зимера прозвучало жестокое предвкусение.

Три человека бежали по подлеску во всю прыть. Это были послушница сестер Света Эмбер и молодые ученые из Твердыни — Оливер и Перетта.

— Они прямо за нами!

— Мы привели их сюда, — крикнула Перетта изумленным ученым. — Теперь ваша очередь! — Ее узкое лицо разругалось, в глазах промелькнула озорная искра.

Громкий треск прокатился по редкому лесу, послышались грубые выкрики. Два десятка вражеских солдат ввалились в лагерь, на ходу ломая ветки. Одеты они были в древние кожаные доспехи с символом пламени императора Кергана. Оливер, Перетта и Эмбер ускорились, заманивая своих преследователей в ловушку.

— Их тут еще больше! — проревел один из вражеских солдат, подняв изогнутый меч. — Уничтожить!

Две свирепые женщины стремительно рванули к ним с разных сторон, пронзительно крича. Морасит точно выждали момент для атаки. Женщины были облачены в черные кожаные полосы на груди и бедрах, а их кожа была покрыта выжженными символами.

— Мы позволим вам убить нескольких, — крикнула Торн Натану и остальным. — Но не всех. — В одной руке она держала короткий меч, а в другой — кинжал. Морасит вонзила меч в живот ближайшего солдата и рассмеялась, когда тот рухнул на землю. — Один!

Не желая отставать, Лайес щелкнула кнутом с колючками, и тот обернулся вокруг толстой шеи противника. Резко дернув, она разорвала ему горло.

— У меня тоже один!

Вытянув руку, Натан метнул шар огня волшебника, поразив врага в грудь. Кожаные и пластинчатые доспехи солдата были словно бумагой для смертоносного огня, прожигавшего все на своем пути.

Издав боевой клич, солдаты Зиммера бросились в бой. Вражеские разведчики столкнулись с д'харианскими воинами со звоном клинков, стонами боли и криками гнева. Бойцы смешались, и Натан не рискнул снова использовать огонь волшебника. Аббатиса Верна при помощи дара оторвала от дерева тяжелый сук и бросила в солдата. Орон, Ольгия, Лео и Ренн призвали порыв яростного ветра, обрушив стволы деревьев на мужчин в доспехах. Оказавшись в настоящем бою, вражеские солдаты воспользовались своей военной подготовкой, но две Морасит атаковали так, словно сами были армией, а д'харианские солдаты старались не отставать от женщин, убивая и убивая.

Пока враги падали, истекая кровью, Натан заметил кое-что неожиданное. Прежде солдаты генерала Утроса были полукаменными, с твердой и бледной кожей, но теперь у них была настоящая плоть! У него перехватило дыхание: ведь если враги снова станут людьми, их будет легче убить. Д'харианская сталь пробивала броню, рассекала кожу и кости, и древние враги умирали, как обычные люди.

Лео и Перри сбивали солдат с ног магией и насаживали на острые ветки. Даже Ренделл ринулся в атаку с ножом, сорвал шлем с оглушенного солдата и перерезал ему горло. Натан заметил мужчину, стоявшего поодаль, и применил огонь волшебника, чтобы поджечь его голову, превратив ее в жуткий фонарь.

Вскоре все двадцать древних разведчиков лежали мертвыми в подлеске. Торн и Лайес ухмылялись, а их бронзовую кожу покрывала кровь.

— Трое! — сказала Лайес.

— У меня тоже трое, — откликнулась Торн.

— Двадцать погибших, — сказал Натан. — Вражеская армия сократилась на двадцать бойцов.

— Армия даже не заметит этих потерь, — сказала Верна.
— Увы.

— Генерал Утрос еще не закончил подсчитывать погибших после нашей предыдущей атаки, — сказал Орон.

— Мертвые есть мертвые, — с мрачным удовлетворением сказал Ренн.

Д'харианские солдаты вытирали кровь с мечей и доспехов. Зиммер одобрительно кивнул им.

— Пока нет хорошего плана, мы будем вырезать врага постепенно.

— Пусть будет так, — сказала Ольга.

Натан вложил в ножны меч, который ему совсем не пригодился. Он все еще наслаждался использованием магии после того, как долгое время был лишен дара.

— Для начала неплохо.

Глава 2

Вокруг Никки возвышался пустынный город, тихий и таинственный. Она попыталась сориентироваться, разглядывая темные строения, внушительные каменные стены, толстые колонны и затейливые орнаменты... все было очень мрачным. Это точно не Ильдакар.

Луна заливала руины серебристым светом, но Никки нигде не видела фонарей или факелов. Окна и двери были черными и пустыми, как глазницы мертвецов. В разреженном воздухе ощущалась прохлада. Колдунья заметила силуэты черных скал вокруг города — должно быть, она оказалась высоко в горах.

Никки в сердитой растерянности отступила от колодца сильфида. После неудачного путешествия ее тело болело и походило на выжатую тряпку.

— Сильфида! — крикнула она, но тишина была такой глубокой и напряженной, что у нее звенело в ушах.

Своевольное серебристое создание принесло ее сюда и бросило.

Посреди площади находился загадочный каменный колодец высотой по пояс. Сильфида, повздорившая с колдуньей, отступила в глубину колодца. Никки осталась в одиночестве и понятия не имела, где находится.

Отдышавшись и справившись с головокружением, колдунья отметила непривычную слабость и опустошенность. Она никогда не чувствовала себя так после путешествия в сильфиде.

— Вернись! — крикнула она в пустоту колодца. — Это не место назначения. Я хочу путешествовать.

Ее слова отозвались эхом в глубоком черном зеве и отразились от высоких каменных зданий, но больше не было никаких звуков. Серебристое создание отказывалось отвечать. Сильфида, преданная делу императора Сулакана, теперь поняла, что Никки не служит ее господину. Когда колдунья сообщила, что Сулакан мертв, — побежден, причем дважды, — серебристая женщина нарушила свой долг и забросила Никки в это забытое место.

— Сильфида! Где я? — Голос Никки затерялся в бесконечной глубине. Она не сможет помочь в борьбе с генералом Утросом, если застрянет... здесь.

Голова пульсировала от боли, в ушах звенело, и Никки задумалась, как сильно она пострадала от путешествия. Она вспомнила, что перед уходом сильфида сказала кое-что любопытное: «Ильдакар исчез. Ильдакара больше нет. Я не могу доставить тебя туда». Очевидно, что сильфида тоже

пострадала, когда безуспешно пыталась добраться до места назначения.

Как это — «Ильдакара больше нет»? Возможно, колодец на нижних уровнях легендарного города разрушен или запечатан. Что еще могло помешать сильфиде?

Затем Никки вспомнила кое-что еще. Прежде чем она убила норукайского капитана Кора, он рассказал, что король Скорбь предпринял грандиозную атаку на Ильдакар. Мог ли город защититься и от непобедимой армии генерала Утреса, и от норукайцев? Быть может, палата волшебников прибегла к крайним мерам и укрыла город саваном вечно-сти? Неужели они могли бросить весь остальной мир на произвол судьбы? Да, волшебники Ильдакара поступили бы именно так.

В таком случае Никки сама по себе. Первым делом она должна выяснить, где находится. Ее коротко остриженные светлые волосы запылились, на коже и черном платье остались следы крови после битвы с норукайцами в гавани Серримунди. В теле ощущались боль и слабость — последствия нахождения в сильфиде. Ее дар ослаб.

Никки внимательно рассматривала толстые колонны, каменные здания, огромные монументы, храмы и правительственные палаты. Когда она шла через площадь, ее ступни шуршали по неровным каменным плитам. Город изобиловал накренившимися башнями, полуразрушенными арками, высохшими фонтанами и замысловатыми деталями архитектуры, почти стертymi воздействием погоды.

Претенциозные строения были призваны внушать благоговейный трепет. Величием и размером здания напоминали дворец императора Джеганя в Алтур'Ранге или Замок Волшебника в Эйдиндриле. Этот город когда-то был столицей или центром торговли. Но все дверные проемы и окна были

заколочены или заложены кирпичом, как в склепах. Это был город мертвых.

Обернувшись на шорох, она увидела пару диких оленей, которые бродили по пустому парку, поедая листья кустарника и цветы. Олень заметил Никки и ринулся прочь, но остановился неподалеку и снова принялся за еду.

На другой великолепной площади оказалась огромная статуя мужчины, поваленная на каменные плиты. Высокий мраморный постамент размером походил на фундамент здания. Когда-то статуя возвышалась на три этажа, но теперь на постаменте остались лишь сапоги. Кто-то опрокинул памятник. Никки впитывала в себя эту картину, чувствуя отголоски насилия и разрушения. Каменные руки лежали в стороне, заросшие лозой.

Никки подошла к поваленной статуе и осмотрела ее, стараясь не замечать мха и пыли. У мужчины было надменное лицо с тяжелым лбом и крючковатым носом, из-под увесистой короны свисали заплетенные в косы волосы, вызывая ассоциацию со змеями. Источенный ветром рот был открыт в улыбке, демонстрируя заостренный зуб, явно искусственный. С растущим подозрением Никки обошла поваленную статую и приблизилась к постаменту. Надпись еще можно было разобрать.

ИМПЕРАТОР КЕРГАН.

Никки снова повернулась к голове статуи. Этот заостренный зуб, вероятно, и был железным клыком, при помощи которого Керган наводил страх на свое окружение. Он был жестоким и капризным императором, который заживо содрал кожу со своей жены и скормил ее жукам-мясоедам, когда узнал о ее связи с генералом Утрсом. Возмущенный деянием народ сверг Железного Клыка и протащил тело по улицам города. Досталось и его статуе.

Даже сейчас, спустя пятнадцать столетий, Никки испытывала мрачное удовлетворение при виде свидетельства краха императора. Сопоставив разбитую статую, огромные здания и монументы, Никки догадалась, где находится. Наверняка это Ороганг, столица необъятной империи Кергана, которая пришла в упадок после его свержения.

Теперь картинка сложилась, но по-прежнему было неясно, почему город превратился в кладбище. Да, Керган был мертв, а империю раздирали политические волнения, но почему мегаполис оказался покинут? Почему люди оставили величественные здания крысам и паукам? Куда ушли жители города? Неужели их уничтожили чума, голод или засуха? И почему двери заколочены, а окна заложены кирпичом, словно внутри что-то запечатано?

Она миновала амфитеатр — огромную круглую чашу со сценой в центре, от которой поднимались ярусы сидений. Керган, должно быть, оттуда обращался к людям, и чаша амфитеатра усиливала его голос. Теперь скамьи были пусты, многие из них разрушились, а сцена заросла сорняками. Позади амфитеатра оказалась еще одна высокая статуя; она хорошо сохранилась, будто кто-то ухаживал за ней на протяжении столетий. Это была фигура мускулистого широкогрудого воина в шлеме и богатых доспехах; символ пламени Кергана был убран со статуи, и от него остался лишь белый рубец на камне. Нащечники не скрывали красивое широкое лицо с крепкой челюстью, пронзительными глазами, выраженными скулами и благородным носом.

Никки знала этого человека и встречалась с ним на поле боя. Генерал Утрос — величайший военачальник Железного Клыка, посланный на завоевание Древнего мира от имени императора. Утрос принял эту миссию, не сомневаясь в достоинстве своего лидера и беспрекословно подчиняясь его приказам.

Судя по состоянию статуи, жители Ороганга почитали генерала. Никки показалось странным, что памятник Утросу даже сейчас выглядит чистым и не обветшал, как все остальное в заброшенном городе. Она замерла, когда заметила свежие цветы на углу постамента.

Кто-то был здесь, причем совсем недавно.

Она настороженно огляделась. Здания оставались безмолвными; одни были разрушены, в то время как другие — обманчиво невредимы. Быть может, какой-нибудь отшельник или последователь возложил цветы к статуе своего героя. Никто здесь не мог догадываться, что Утрос жив спустя полторы тысячи лет.

Никки уже не чувствовала себя одинокой, а ощущала чье-то присутствие и взгляды. Возможно, Ороганг вовсе не был заброшенным и покинутым. Вглядываясь в тени, куда не доставал свет луны, она слышала шорох. Сначала она подумала, что это снова олень, но потом различила человеческие шаги.

Никки развернулась, простирая свой дар, хотя странная слабость еще не отступила.

— Кто там?

После ее слов снова воцарилась тишина. Она повернулась к самому большому строению на главной площади — с высокими каннелированными колоннами у главного входа. Теперь двери были открыты, хотя внутри была лишь темнота. За статуей Утроса она заметила еще одно движение; чья-то тень метнулась в еще более глубокую тень. Одетые в серое человеческие фигуры растворились во мраке.

Никки осторожно повернулась:

— Покажитесь! Выходите и сразитесь со мной. — Голос ее прозвучал гонгом в пустынном городе. Она коснулась кинжалов у бедер и приготовилась защищаться.

Наконец она смогла различить человеческие силуэты, возникающие из укрытий, темных дверных проемов, узких переулков. Незнакомцы двигались с тревогой и перешептывались, но ей не отвечали.

— Кто вы такие? — Никки медленно повернулась и поняла, что люди окружают ее со всех сторон, но она едва ощущает их — будто это духи. Их было гораздо больше, чем она ожидала.

Посмотрев на окраину города, она увидела слабое зарево рассвета, которое очертило горные кряжи. Все новые фигуры появлялись из каменных нор и приближались к ней.

Никки угрожающе положила ладони на кинжалы:

— Я не хочу нападать на вас, но сделаю это.

Рассвет встревожил их. Они беспокойно переговаривались, но Никки не могла разобрать смысл разрозненных фраз. Колдунья попятилась к постаменту статуи Утроса и подняла взгляд на каменное лицо, которое смотрело вперед.

Затем, будто по безмолвному сигналу, люди-тени бросились вперед и окружили ее.

Глава 3

Генерал Утрос взирал на опустошенное поле битвы. Волна огня испепелила тысячи его храбрых солдат. Терпкий дым от сожженной травы и горелой плоти держался в воздухе уже несколько дней, и он сомневался, что когда-нибудь избавится от этого привкуса в горле. Потеря стольких верных солдат была как горячий нож в сердце.

Магия переноса Эльзы оказалась гораздо сильнее, чем он мог себе представить. Ава и Рува слишком поздно поняли, что защитники создают пограничные руны, чтобы высвободить ужасающую магию. Слишком поздно Утрос увидел,

что отдельные ударные силы оцепили часть долины вокруг его армии. Слишком поздно заметил, как Эльза заложила якорную руну в центре лагеря и запустила сокрушительное заклинание. Близнецы едва успели прикрыть его самого.

У тысяч его солдат не было ни единого шанса.

Но даже несмотря на ошеломительные потери, его армия все еще насчитывала более сотни тысяч воинов, разгневанных, жаждущих крови и готовых завоевать все земли от горизонта до горизонта. И он поведет их к победе. Именно в этом он поклялся императору Кергану, пусть тот уже давно мертв.

Поздним вечером тревожного дня Утрос поправил золотую маску, закрывавшую половину лица. Шлем его украшали рога огромного ильдакарского быка, убитого им лично. Он стоял снаружи возведенного солдатами шатра, который заменил сгоревший штаб командования. Ткань представляла собой лоскутное покрывало из спасенных обрезков, а деревянные столбы были грубо вытесаны из обуглившихся деревьев. Но генерал Утрос не нуждался в показной атрибутике, которую затребовал бы Железный Клык. Палатка давала укрытие и тень, а большего ему и не требовалось.

Стоя на открытом воздухе, он чувствовал запах пепла на ветру. Ава и Рува стояли рядом, поглаживая его сильные мускулистые руки и медные браслеты.

— Мы готовы принять короля норукайцев, возлюбленный Утрос, — сказала Ава.

— И готовы завоевать весь мир, — отозвалась сестра-двойняшка.

Внешне схожие колдуньи были прекрасны в своих голубых платьях. Они выбрили тела дочиста, а затем разрисовали кожу плавными кривыми линиями и угловатыми узорами, призывающими тайные силы. Вместо обычных разно-

цветных красок Ава и Рува использовали сажу и засохшую кровь — они были действеннее краски.

— Мы впечатлим наших новых союзников силой армии, — сказала Ава, — но не сможем оказать должного гостеприимства.

— Мы не можем устроить королю Скорбь пиршество, — добавила ее сестра.

Утрос стиснул челюсть, понимая, что положение их гораздо серьезнее. Как только Ильдакар исчез у них на глазах, у него не осталось надежды забрать из города продовольствие и ресурсы, от которых зависело выживание армии.

Утрос посмотрел туда, где равнина резко обрывалась у реки Киллрейвен. На другом берегу простирались болотные топи.

— Король Скорбь и его флот обеспечат нас провизией. Пока этого достаточно. — В эти слова даже он сам не верил. — Владетель и духи, — прошептал он себе под нос.

Он наблюдал за отрядом норукайских налетчиков, которые с трудом шагали от обрыва с таким видом, словно намеревались захватить долину. Он знал, что со змеиных кораблей на реке к нему идет лишь небольшая делегация. Рослые налетчики, покрытые страшными шрамами, были облачены в жилеты из акульей кожи и шкур рептилий. Даже издали он узнал короля Скорбь и его гарцующего шамана-альбиноса, долговязого человека со шрамами, известного как Мелок.

За ними тянулась группа с ящиками, бочонками и мешками — достаточным количеством припасов для небольшой армии. К несчастью, армия у Утроса была большая, и теперь, когда каменное заклятие полностью развеялось, она стала еще и голодной.

Сразу после исчезновения Ильдакара последние проявления каменного заклятия растворились, и его солдаты сно-

ва стали обычными людьми из плоти и крови. Поначалу армия радовалась тому, что снова может чувствовать, но Утрос быстро понял, что вернувшаяся человечность также принесла и уязвимость. Будучи полукаменным, многочисленное войско не ощущало ни голода, ни жажды; но теперь все они испытывали человеческие потребности. Сто тысяч ртов требовали пищи, но в огромной долине не было ни города, ни обоза с припасами.

Первый командующий Енох прибыл в командный шатер с докладом. Лицо его было мрачно. Утрос хотел, чтобы его мажордом присоединился к дискуссии касательно их нового союза. Ветеран прижал кулак к сердцу, а затем посмотрел на норукайцев. Для оценки ситуации ему хватило одного беглого взгляда:

— Этих запасов хватит, чтобы накормить офицеров вплоть до командиров отделений. При весьма умеренных порциях.

— Но на всех нас не хватит, — тихо сказал Утрос.

Король Скорбь, Мелок и еще шесть капитанов устало брели к шатру по выжженной траве. Встретившись лицом к лицу с генералом, Скорбь щелкнул челюстями. Щеки его когда-то были рассечены до самых висков, лицо покрывала татуировка чешуи змеинного бога. Грудь короля была невероятно широка, будто у него имелись дополнительные легкие, чтобы глубоко нырять и драться с акулами. Из плеч выпирали вживленные костяные шпоры. Вместо пояса талию обвивала железная цепь.

— Мы принесли еду, как ты и просил. — Скорбь указал на сгорбленных рабов, которые служили вьючными животными. — Устроим праздничное пиршество!

Рабы сложили ящики, мешки и бочонки снаружи шатра, возле больших костров.

— Мои охотники также снабдили нас тремя оленями, убитыми в горах, — предложил Утрос. — Зажарим и их.

— Ты можешь взять всю рыбу, — проворчал Скорбь. — Меня от нее тошнит. Я забираю оленину.

— Рыба, рыба! — скакал вокруг Мелок. — Высасывайте кости и жуйте головы. Мне нравится, как лопаются глаза. — Он сгибал локти под странными углами, прыгая с ноги на ногу. — Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть! — На нем была только набедренная повязка из рыбьих шкур, будто шаман хотел продемонстрировать следы укусов от тысяч крошечных клыкастых ртов. Изуродованная губа жутко искривляла его ухмылку.

Ава и Рува с неудовольствием рассматривали шамана. В унисон они подняли подбородки; надменные и красивые колдуньи словно подчеркивали неполноценность спутника короля.

— Это будет не просто пир. — Утрос старался говорить дипломатично, ведя норукайцев под натянутую ткань шатра. Он использовал все свои навыки дипломатии, потому что нуждался в воинах и кораблях. — Мы должны спланировать нашу войну. Моя армия должна двигаться, поскольку у нас множество ртов, которые нужно кормить. — Генерал указал на почерневшую долину, где солдаты расставили грубые палатки и лежанки. — Наша численность может быть и невелика, но мы непобедимы. Моя армия завоюет все земли, которые встретит на пути.

Скорбь напыщенно и громко рассмеялся.

— Только те земли, которые норукайцы оставят для тебя!

— Древний мир наш, — твердо проговорил Утрос.

— Да, наш. Мой и твой.

— Вместе нам стоит обдумать стратегию, — твердо и деловито продолжил Утрос. — Мы не можем просто прене-

стись по всему континенту. Мы должны завоевать его и воспользоваться им.

Норукайский король был нетерпелив:

— Как пожелаешь, но мы можем немного разделить континент. Мне нужно размяться.

Ава и Рува пристально смотрели на Скорбь и его альбиноса. Норукайский король открыто пялился на двух женщин, но те не реагировали. Утрос знал, что близнецы не нуждаются в защите. Колдуньи могли убить любого, кто их беспокоит.

Пока туши оленей жарились на костре, а на небольших вертелах готовилась рыба, первый командующий Енох следил за распределением норукайских припасов среди армии, растягивая пищу как мог.

Позже, грызя сочный кусок мяса, король Скорбь хмуро смотрел на пустые ящики.

— Это остатки наших припасов с кораблей. — Он вовсе не казался расстроенным. Скорее, в его голосе звучали оскорбительные нотки. — Ты слишком много заботишься о еде.

— Мои солдаты должны есть, — сказал Утрос. — Моя задача — добыть и распределить провизию и припасы.

— Тогда твои солдаты слабы. — Король норукайцев сунул руку в свой широкий рот и кончиком пальца выковырял кусок мяса из дальнего моляра. — Мы не беспокоимся о припасах. Мы совершаем набеги, чтобы взять то, что нам нужно, а затем двигаемся дальше.

— Они все будут скорбеть! — сказал Мелок.

— Нам придется последовать вашему примеру, — согласился генерал, хотя пустынные предгорья и долина давали мало ресурсов.

Король Скорбь наклонился вперед, изучая полумаску генерала:

— Быть может, я и сам захочу такую штуковину. Мне нравится, как она выглядит.

Утрос снял золотую маску, показывая обезображенное лицо. К этому времени рана уже зажила, темные мышцы покрылись струпьями и затвердели.

— Это не было моим выбором. Так было нужно для заклинания.

Норукаец одобрительно кивнул и потрогал пальцами шрамы на своих щеках.

— Иногда мы делаем то, что необходимо. — Он положил локти на грубый деревянный стол. — Итак, расскажи мне о своем плане завоевания мира.

Утрос бросил взгляд на свою огромную армию:

— У меня тысячи вооруженных бойцов, готовых выступить. Остались ли у тебя корабли после того, как их сковало речным льдом?

Мелок заерзал за грубо тесаным столом.

— Корабли и рыба, лед и огонь, великие змеиные корабли. — Он ухмыльнулся. — Змеиные корабли! Теперь разбитые корабли!

— Не разбитые! — Скорбь грубо толкнул альбиноса в плечо, а затем смягчился, обхватив тощего мужчину за плечи. Он встретился взглядом с Утросом. — Когда река замерзла, на ней стояли на якоре сотни кораблей, многие были у причалов, чтобы мы могли взобраться на утесы и вторгнуться в Ильдакар. Лед раздавил несколько корпусов, сломал кили. — Он грохнул тяжелым кулаком по столу. Костяшки пальцев с маленькими железными пластинками громко звякнули от удара. — Но мы починим. Норукайцы — великие кораблестроители. — Скорбь оглянулся туда, где местность резко обрывалась к реке. — Болота обеспечат нас необходимым материалом. У нас есть инструменты. И рабы.

— Нам понадобятся корабли и норукайские бойцы, чтобы вести войну. Ты говорил, на островах у тебя еще много кораблей, — поймал его на слове генерал. — Нам понадобятся и твой флот, и вся моя армия. — Он стал более серьезным. — Ваши корабли пойдут вниз по реке и выйдут в море. Даже при быстром марше моей армии потребуется больше времени, чтобы добраться до побережья.

— Часть змеиных кораблей уже почти отремонтирована, и мне тоже не терпится выступить, — сказал Скорбь. — Я поплыву обратно на Норукайские острова, где к этому времени должна быть готова еще сотня кораблей. Мои налетчики жаждут побед и грабежей. В ожидании ваших солдат мы атакуем прибрежные города, словно шторм из стали и крови.

Расчетливый ум Утроса манипулировал фигурами, расставляя их на общей тактической схеме.

— Если норукайские налетчики атакуют побережье, а моя армия пронесется по суше, мы захватим весь Древний мир, точно клещами.

Скорбь вгрызся в кость, с которой только что содрал мясо:

— Мы раздавим эту землю, как виноградину меж пальцев. Это хороший план.

— Как только наши силы объединятся, — добавил Утрос, — мы выступим вместе, захватим Танимуру и Алтур'Ранг, а затем двинемся на Новый мир.

— Король Скорбь! — воскликнул Мелок. — Все будут скорбеть.

— Да, они все будут скорбеть, — подхватил генерал Утрос.

Норукайцы не любили пустых бесед. Закончив с яствами, налетчики торопились вернуться на корабли. Как и генерал Утрос, они надеялись завоевать Ильдакар, но город исчез, и

ни у одной армии не было причин оставаться здесь. Король Скорбь удалился, будто оба командира тщательно спланировали всю войну в деталях, и Утрос понял, что норукайцы не слишком сильны в стратегии. Они просто нападали, двигались дальше, а потом возвращались, когда считали нужным.

Он подозревал, что Скорбь будет еще худшим лидером, чем Железный Клык, но Утрос побеспокоится об этом дикаре позже, когда тот станет проблемой. Он использует этих жестоких норукайцев для достижения своих целей. Он поклялся растоптать весь континент своей пятой — из верности императору и тайной любви к Мэджел. Теперь его внутренний стержень надломился, и поэтому Утрос должен сделать это для себя, а не по какой-то другой причине.

Норукайцы вернулись на утесы над рекой и спустились к своим поврежденным кораблям. Когда уродливые налетчики ушли, первый командующий Енох подошел к Утросу, глубоко обеспокоенный.

— Мы распределили еду, генерал, но хватило далеко не всем.

— Это ожидаемо, — сказал Утрос. — Норукайский король кое в чем прав. Недавно наши разведчики нанесли на карту несколько новых поселений. Мы знаем, где можно взять провизию, — хоть сколько-то, — и должны сделать это. Разошлите отряды во все стороны. Зайдите в каждый городишко и вычистите все до крохи. — Он опустил голову. — Для нас это единственный способ выжить.

Глава 4

Когда лучи рассветного солнца разлились по речной равнине, норукайские надсмотрщики забили в барабаны, поднимая стонущих рабов и пиная самых нерасторопных.

— Время работать! — взревела корабел Гара — мускулистая женщина с седыми косами, напоминавшими утонувших гадюк. — Работать, пока не закровоточат пальцы. — Она открыла свою змеиную пасть и шелкнула зубами.

Бэннон, привязанный к наклонной палубе поврежденного норукайского корабля, скорчился, чтобы избежать жестокого пинка. Один из налетчиков разрезал его путы, и юноша присоединился к работе.

Пленники приступили к ремонту в тусклом предрассветном сумраке. Гара молотила киянкой, подбивая доски и колышки, но Бэннон видел, как уродливая женщина этой же киянкой разбила череп раба, который работал слишком медленно.

Пока Бэннон почесывал ободранные запястья, за ночь натертые веревкой, к нему подкрался призрачно-бледный шаман и схватил за плечи своими паучьими пальцами.

— Работай молотком или стань гвоздем!

Бэннон лишь отмахнулся. Его раздражало странное поведение изуродованного альбиноса. Он еще мог понять неотесанных норукайцев, но Мелок сильно действовал на нервы. По какой-то причине шаман нашел его занятым.

Бэннон был в плену уже несколько дней. Его избитое тело болело, а многочисленные порезы и ушибы после сражения на утесе Ильдакара еще только начали заживать. Он едва не убил Мелка и короля Скорбь, но они все вместе рухнули с утеса на грудь тел и оружия.

Бэннон не погиб, но стал рабом. Сбылся самый большой кошмар, мучивший юношу с тех пор, как работоторговцы попытались схватить его на острове Кирия. Тогда в рабство

попал его лучший друг Ян, а Бэннон бежал. За тот момент трусости его терзала совесть. И вот, много лет спустя, он все-таки стал рабом.

Мелок снова потряс его за плечи, и Бэннон инстинктивно замахнулся, вспомнив, что они сделали с Яном.

— Не трогай меня, мерзкий норукаец!

Альбинос хихикнул, восхищенный реакцией Бэннона. При ярком свете дня король Скорбь заметил происходящее и шагнул вперед. Выражение его лица походило на бурю, прокатившуюся по морю.

— Прояви уважение или умри, раб! — Скорбь схватил Бэннона за шею и поднял над палубой. — Стоишь ли ты воздуха, которым дышишь? Стоишь ли ты воды, которой мочишься?

Бэннон отбивался, хотя знал, что за это его жестоко избьют или убьют. Он не был трусом, но и примерной жертвой для этих монстров быть не собирался.

Нахмурившись, корабель Гара шагнула вперед, чтобы вмешаться.

— Сломаете его позже, мой король. Для починки корабля нужны рабочие. Вчера мы потеряли троих, а новых из города уже не получим. — Корабель взглянула на обрыв над рекой. Вершина утеса, где недавно стоял Ильдакар, выглядела как чисто срезанный пень. — Нужно использовать всех, кто есть, и закончить ремонт.

Скорбь ослабил хватку и позволил Бэннону плюхнуться на наклонную палубу. Он угрожающе поднял тяжелый боевой топор, вызвав у Мелка восторг.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости! — прокричал шаман.

Бэннон не знал, что имеет в виду шаман, но его болтовня часто не имела смысла. Мелок взглянул на Бэннона и кивнул, словно ожидая, что юноша согласится с ним.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости!

Скорбь не воспринял всерьез слова своего странного друга.

— Мой топор тоже может рубить кости. Он снесет эту голову с плеч после завершения ремонта кораблей.

— Отнюдь, мой Скорбь. Отнюдь. — Мелок погладил длинные рыжие волосы Бэннона, отчего по коже юноши пробежали мурашки. — Только не эту голову.

Группы рабов ремонтировали поврежденные корабли. Норукайский флот в сотню змеиных кораблей дошел по реке Киллрейвен до Ильдакара. Налетчики намеревались взобраться на утесы и захватить город, но они ничего не знали об армии генерала Утроса. Бэннон, Морасит Лила и сотни защитников города оборонялись на утесах, сбрасывая снаряды, сражаясь копьями и мечами. Но в итоге норукайцы смяли их.

Бэннон упал со скалы, потерял сознание и попал в плен. Он не знал, что случилось с Лилой. Даже если он сбежит от сотен бдительных норукайцев, то вряд ли воссоединится с друзьями. Когда город скрылся под саваном вечности, Натан возглавлял масштабную атаку на войско генерала Утроса, а Никки и вовсе находилась в Серримунди. У Бэннона не было никакой надежды снова встретиться с кем-либо из них, поэтому придется рассчитывать только на себя — если ему вообще удастся сбежать.

Когда магия переноса заморозила реку, лед зажал корабли и повредил их. Разгневанные норукайцы теперь трудились как муравьи, восстанавливая суда. Пленникам досталась самая тяжелая работа: рубить деревья в болотах, подтаскивать бревна и распиливать их.

Часть змеиных кораблей теперь покоилась на илистом речном дне. С них сняли канаты, чтобы починить оснастки других кораблей, перетаскивали полотнища темно-синей па-

русины, спилили мачты и сняли с корпуса уцелевшие доски. Опытные норукайские корабли, такие как Гара, переходили с судна на судно, руководя группами рабов.

Бэннон, постоянно выискивая возможность побега, с неохотой перетаскивал длинные канаты с одной палубы на другую, переносил инструменты и припасы. Страдая от жары во время бесконечной работы, он подумывал использовать киянки и гвоздодеры в качестве оружия. Он мог ранить нескольких работарговцев, но против него были тысячи безжалостных норукайцев — в итоге он просто погибнет. Юноша ломал голову над тем, что ему делать.

Вчера один из ильдакарских рабов взбунтовался и напал на норукайца со спины. Бэннон мысленно аплодировал рабу, но его атака не была спланирована, и норукайцы тут же схватили непокорного мужчину. Они не торопились убивать его. Налетчики заставили Бэннона и других пленников смотреть, как они ломают рабу руки, а затем и ноги. После норукайцы принялись накладывать на грудь раба тяжелые камни, один за другим, выдерживая длительные паузы, пока у мужчины не затрещали ребра, а из глаз и изо рта не выступила кровь. Когда бедняга взмолился о пощаде, один из норукайцев наступил на камни, медленно надавливая, пока грудина не треснула.

Бэннон хотел убить этих извергов, он не собирался тратить свою жизнь напрасно. Он наблюдал и выжидал шанса; он надеялся, что сможет помочь не только себе, но и другим пленникам.

Угрюмые рабы разбирали затонувшее судно, при помощи гвоздодеров отрывая от корпуса доски. Измученных рабочих мало кормили и не позволяли отдыхать. Пить им давали только зеленоватую речную воду.

— Хочу отплыть как можно скорее, — проревел король Скорбь с носа почти готового корабля. — Заканчивайте ре-

монт, чтобы мы могли вернуться на Норукайские острова и начать войну.

— Мы убили немало норукайцев, поэтому кораблей для возвращения понадобится меньше, — пробормотал Бэннон.

Корабел Гара отвесила Бэннону тяжелую оплеуху, разбив губу и оставив на щеке ярко-красный след.

Мелок рассмеялся, будто замечание молодого мечника было неимоверно смешным. Шаман присел на корточки перед Бэнноном и с ухмылкой кивнул. К несчастью, король тоже услышал его слова. Скорбь снова вцепился в юношу, собираясь убить.

— Нам нужно, чтобы он работал! — прошипела Гара.

Король поднял Бэннона и швырнул в реку.

— Он может работать на ватерлинии, выпитывая грязь и слизь.

Бэннон с воплем плюхнулся в воду. Отплевываясь, он отчаянно пытался за что-нибудь ухватиться. Удержавшись на плаву, юноша посмотрел вверх; его рыжеватые волосы свисали грязными прядями, напоминая водоросли.

— В следующий раз привяжу груз к твоим лодыжкам! — прорычал Скорбь, перегнувшись через перила. — И тогда сможешь чинить днище корабля, пока не потонешь.

Мелок с необъяснимым беспокойством глядел из-за перил на Бэннона. Гара бросила юноше киянку, и та с плеском упала в воду. Четверо других рабов были привязаны к накренившемуся кораблю; поблизости находились доски для ремонта и деревянные ведра с гвоздями. Их окружал плеск реки и душный влажный воздух. Мимо проплывали шлюпки с норукайскими стражниками, которые перевозили материалы и людей с одного змеиноного судна на другое, а также следили за рабами у ватерлинии.

Бэннон понял, что дальнейшее сопротивление ничего не даст, поэтому неохотно взял из воды киянку и последовал

распоряжениям. На этот раз. Взяв одну из досок, он сунул руку в подвешенное ведро с гвоздями и начал латать корпус. Другой раб погрузил руки в горшок с теплой смолой и замазал щели между досками.

— Ужасная работа, но все же лучше, чем в трюме, — почувствовал соседний раб.

Бэннон видел, как другие рабы спускались на темные и душные нижние палубы поврежденных кораблей и вычерпывали ведрами воду, чтобы суда могли всплыть.

— Полагаю, всегда есть что-то хуже.

Оптимизм часто выручал Бэннона, и он цеплялся за надежду — нередко глупую. Но таков уж его характер. Он найдет способ сбежать от отвратительных тюремщиков, и все наладится. Он не сдастся.

Раб рядом с ним издал горький смешок:

— Это гораздо лучше, чем трюм...

Внезапно лицо мужчины исказилось от боли и ужаса. Он ухватился за свою веревку, но что-то утянуло его под воду раньше, чем он успел закричать. Веревка туго натянулась и лопнула, а вода расцвела кровью.

Бэннон инстинктивно протянул руку, пытаясь спасти мужчину, но до жертвы было не достать. Остальные рабы поспешили выбраться из реки, когда на поверхности показалась бугристая спина болотного хищника. Рептилия быстро поплыла прочь, сжимая мощными челюстями почти перекушенное пополам тело. Болотный дракон нырнул под воду и принялся за еду.

Рабы в воде закричали, пытаясь подняться по веревкам на палубу. Бэннон схватил оборванную веревку и забрался повыше, помогая остальным. Норукайцы бросились к перилам с баграми и копьями, отталкивая рабов.

— Назад в воду. Возвращайтесь к работе!

— В реке чудища! — вскричал один из рабов. — Нас всех убьют.

— Больше бойтесь нас, чем кого-то там внизу, — сказала Гара.

Бэннон все еще держал деревянную киянку, жалея, что при нем нет его верного Крепыша. Он хотел убить этих омерзительных людей, но, глянув на лес зазубренных накопечников копий, кривых мечей и гневные лица в шрамах, он понял, что лишь напрасно погибнет. Мелок наблюдал за ним, качая головой и грозя пальцем.

Презирая норукайцев еще сильнее, Бэннон спустился в реку, выглядывая на воде рябь и чешуйчатые спины болотных монстров. Вскоре он понял, что ему придется кого-то убить.

* * *

Лиля пряталась в зарослях на берегу реки, находясь достаточно близко, чтобы метнуть копьё и убить норукайца на открытом месте. Но прямо сейчас это было бы напрасной тратой ее преимущества — неожиданности. Она уже бесшумно убила девятерых под покровом темноты и с удовольствием скормила тела хищникам. Сейчас она затаилась, наблюдая и выжидая. Она нужна Бэннону.

Когда Ильдакар исчез посреди битвы, она упала с обрыва. Это падение должно было стать фатальным, но она приземлилась в мягкую речную грязь на мелководе. Оглушенную женщину несло вниз по течению, пока она не застряла в зарослях. Ей удалось выползти на берег, и норукайцы ее не видели.

С тех пор прошло уже несколько дней. Ее короткие каштановые волосы были грязными, а лицо обгорело на солнце. На ней было только минималистичное облачение из черной кожи. Руны защищали ее от магии, но не от укусов насеко-

мых или опасных колючек. У нее остался только кинжал — короткий меч она потеряла при падении. Но само тело Морасит было оружием. Она полагалась на свои мускулы и рефлексy. Она выжидала и атаковала каждый раз, когда ей попадался одинокий норукаец...

Лила и ее сестры-Морасит поклялись защищать Ильдакар, но он исчез. А еще она взяла на себя ответственность за Бэннона, пообещав оберегать его. Она тренировала юношу в боевых ямах, заставляла его выполнять самые тяжелые упражнения. Она даже иногда брала его в постель в качестве награды за старания, и делала это все чаще. Лила не понимала, почему молодой мечник не ценил всего, чему она его учила. Ее суровые уроки, несомненно, не раз спасали ему жизнь.

Во время нападения на армию генерала Утроса, Бэннон попал в плен и едва не погиб. В тот момент она поняла, что не хочет потерять его, и дело не только в ее гордости. Бэннон самоуверенно считал себя хорошим бойцом — которым и был, — но Лила была лучше. Они хорошо сражались вместе, но она сомневалась, что юноша выживет без нее.

Когда он рухнул с утеса вместе с королем Скорбь и Мелком, Лила решила, что он мертв, но потом она подобралась достаточно близко, чтобы шпионить за захваченными рабами, и мельком увидела Бэннона, узнав его по длинным рыжим волосам и знакомому телу. Он жив, а значит, у нее еще есть шанс.

В течение нескольких дней после исчезновения города Лила кралась сквозь заросли, перелезая через узловатые корни и свисающие лианы и не упуская из виду норукайцев. Она не могла сразиться с тысячами врагов, как бы ей ни хотелось. Ей следовало быть разумной.

Весь день она пряталась среди колючих кустарников, а медленная река плескалась о грязный берег. Жаждущие

крови мошки жужжали у лица. Вражеский флот был повержен, но Лила видела, что налетчики скоро восстановят несколько змеиных кораблей. Ей придется мыслить шире.

Лила пробралась к основанию утесов, где обнаружила остатки ильдакарских доков, расколотые доски, причальные столбы — все это было разрушено норукайцами. В скалах наверху виднелись туннели, которые теперь уходили в никуда.

Она заметила какой-то блеск среди досок и сломанных веток. Лила спряталась в тени, пока не убедилась в безопасности, а затем скользнула вперед, чтобы рассмотреть предмет.

Это была простая рукоять, обмотанная кожей. Морасит сдвинула сломанные доски, стараясь не шуметь, и увидела меч. Она вытащила его из грязи, плеснула водой на лезвие и перекрестье гарды. Это был скромный меч из бледного металла, но вполне пригодный. Она узнала это оружие — меч Бэннона, Крепыш.

Лезвие все еще было острым, и она знала, что лучше этого клинка она и пожелать не могла. Теперь она вооружена и найдет способ спасти Бэннона, даже если придется сразиться со всем норукайским флотом.

Глава 5

Главнокомандующий волшебник Максим выглядел великолепно. Адесса приподняла его голову и запустила пальцы в короткие темные волосы. При виде его мертвого лица на нее накатывала волна удовольствия, похожая на теплый мед.

Обезглавленное тело Максима лежало в грязи перед хижиной, из расколотой груди сломанными ветками торчали

ребра. Шум ветра в ветвях темных елей походил на ликование толпы. Стоя в лунном свете, лидер Морасит подняла голову волшебника перед своим лицом.

Когда-то главнокомандующий волшебник, надменный правитель Ильдакара, был очень красив, но теперь лицо его обмякло, а веки закрывали глаза безвольными складками кожи. Рот раскрылся, и по козлиной бородке стекала кровь, запекаясь на обрубке шеи. После того как сработала ее ловушка, жить ему оставалось мало, но Адесса не хотела дожидаться смерти Максима. Владетель так или иначе заберет его, поэтому она перерубила ему шею и торжествующе подняла голову.

— Моя миссия завершена. — Жесткий шепот Адессы был приглушен шумом еловых ветвей. — Я всегда знала, что убью тебя, но ты был слишком самонадеян, чтобы поверить в это.

Мертвец не ответил, но на его щеке дернулся мускул, напугав ее. Рот Максима раскрылся еще шире — мышцы челюсти расслабились в посмертной судороге.

Адесса глубоко вздохнула. Она выполнила приказ владетельницы Торы. Наконец-то она сможет вернуться домой, в Ильдакар.

Главнокомандующий волшебник Максим предал Ильдакар, создав волнения среди низших классов, спровоцировав восстание, — просто от скуки! Подобное предательство было немыслимо для Адессы. Она и ее Морасит были всецело преданы городу и совету. В ночь восстания, когда толпы рабов убивали хозяев и разрушали идеальное общество, Максим со смехом бежал из города. Поскольку хаос продолжал расти, Тора послала Адессу вслед за волшебником с приказанием выследить его и принести в качестве трофея голову. Долгими неделями она выслеживала этого человека по болотам, двигаясь вниз по течению реки Киллрейвен,

пока не поймала в этой одинокой хижине. Она вспомнила восхитительный удар своего меча по его шее и хруст перерубленного позвоночника. По ее спине пробежала дрожь.

Отточенным движением она резко повернулась на звук, похожий на треск льда. На краю сада стояли бледные статуи: широкогрудый мужчина в латаной одежде и крутобедрая женщина в лоскутной юбке и с подвязанными шарфом волосами. Рядом были трое детей: девочка лет пяти, мальчик лет восьми и мальчик постарше — лет одиннадцати-двенадцати. Окаменевшие фигуры начали медленно двигаться, глубоко вдыхая воздух и возвращаясь к жизни. Все они удивленно разглядывали свои руки.

Адесса расслабилась. Она должна была ожидать, что это случится, как только она убьет Максима. В этой хижине на лесистых холмах над речным городком жила семья Фэри. По всей видимости, добрые люди приютили главнокомандующего волшебника, но, когда попытались бежать, он превратил их всех в статуи. Со смертью Максима развеялось и заклинание. Плоть снова обрела мягкость и цвет. Они помнили, как ночью убегали от напугавшего их Максима, а потом все померкло. Теперь же словно оборвалась струна: ночь была другая, и все изменилось. Они даже не знали, сколько прошло дней и что случилось в мире. Пред ними стояла окровавленная женщина с отрубленной головой в руке. Маленькая девочка закричала. Мать в растерянности схватила младших детей. Отец стоял рядом со старшим сыном, готовый защищать семью. Адесса поняла, что выглядит ужасающе — мускулистая женщина, облаченная в черную кожу и покрытая клеймами рун.

Она опустила голову и хрипло произнесла:

— Вам больше не нужно бояться главнокомандующего волшебника. Он мертв. — Она перевела взгляд на голову в своей левой руке. — Теперь вы в безопасности.

Люди уставились на нее во все глаза, а затем посмотрели на обезглавленное тело, лежавшее на сухих еловых иголках.

— Я Адесса, лидер Морасит из Ильдакара. Меня послали убить Максима, и я успешно справилась с задачей.

Родители и дети жались друг к другу, боясь пошевелиться, хотя им явно хотелось бежать, как напуганным оленям.

— Я не представляю для вас опасности. — Адесса специально не делала угрожающих жестов. — Главнокомандующий волшебник больше не причинит вам вреда. — Она повернулась к маленькой девочке, увидев, как испуг на ее лице сменился интересом к истекающей кровью голове. — Мне нужно доставить трофей в Ильдакар.

Хотя отец семейства все еще был настороже, плечи его расслабились. Он обнял жену.

— Если ты убила этого ужасного человека, то спасла нас.

— Что с нами случилось? — спросила женщина. Несмотря на молодость, на ее лице было немало морщин. — Мы выскользнули из дома ночью, надеясь спасти детей, пока Максим спит. Мы собирались бежать в город и просить о помощи.

— Он превратил вас в камень, — сказала Адесса. — У вас не было ни единого шанса против его заклинания.

— Я помню, как бежал, — произнес старший мальчик. — Я обернулся и увидел, как он выходит из дома. Я пытался предупредить, но... — он с трудом сглотнул.

— Мы были статуями? — спросил мужчина. — Каменными фигурами среди деревьев?

— А теперь вы невредимы, — сказала Адесса, — и можете жить как обычно. — Она бесцеремонно пнула обезглавленное тело. — Я выследила его и устроила ловушку. — Она повернулась и взглянула на тяжелый ствол дерева, все еще висевший на веревках, который смертоносным тараном ударил в грудь волшебника. — Я использовала моло-

дое деревце, бревно и веревку. Он сосредоточился на мне, потому что считал опасной только меня... — На ее лице возникла мрачная улыбка. — Теперь вы в безопасности.

Семья Фэри неуверенно обошла обезглавленное тело, направляясь к своей хижине. Отец подгонял детей.

— Мы должны отблагодарить. Можем что-нибудь для тебя сделать? — спросила женщина.

Адесса не сдвинулась с места.

— Мне предстоит долгий обратный путь до Ильдакара, куда я обещала доставить свой трофей.

— Заходи и поешь с нами, — сказал мужчина в дверях хижины. — Мы снабдим тебя едой, чтобы были силы для путешествия.

— Твое наивное сердце и гостеприимство уже принесли нам достаточно невзгод! — рассерженно прошептала ему хозяйка.

— Все будет хорошо, — прошептал он в ответ. — Она убила этого плохого человека.

Адессе хотелось отправиться в дорогу, но она понимала, что сейчас некуда спешить. Максим мертв. Внезапно она почувствовала усталость. Охота на главнокомандующего волшебника давала ясную цель, и Морасит преодолела немало трудностей для ее достижения. Теперь ее путеводная звезда погасла. Но миссия не завершится, пока она не доставит голову властительнице. Было бы глупо отказываться от предложенной трапезы, которая поможет ей бежать дальше и быстрее.

— Хорошо, я поем. — Держа в руках отвратительную голову, она последовала за семейством в дом.

— Ты понесешь это внутрь? — в ужасе спросила женщина.

— Да. Это мой долг.

Пока дети тревожно смотрели на Адессу, отец зажег свечи и развел огонь в выложенном камнем очаге. Вскоре дом наполнился теплым, успокаивающим светом.

Младшие дети подбежали к своим кроватям и уселись там, прижавшись друг к другу. Старший брат, поколебавшись, остался с отцом, в то время как мать осмотрела кухню и открыла кладовую в поисках съестного. Женщина в отчаянии вздохнула.

— Этот человек съел почти всю нашу еду. Остался кусок окорока, копченый сом и немного сыра. — Она осмотрела твердую, как камень, горбушку хлеба. — Хлеб старый и черствый.

— Я съем его, — сказала Адесса. — Не знаю, как долго Максим жил здесь один, но он никогда не удосужился бы испечь хлеб.

— Я могу поймать во дворе курицу и свернуть ей шею, — предложил отец семейства. — Мы устроим настоящий пир, если подождешь.

Адесса задумалась, но покачала головой:

— Мне нужно отправляться в путь.

Мужчина чувствовал себя обязанным предложить ей это, но был рад ее отказу.

Хозяйка разложила все, что ей удалось отыскать, и позвала детей к деревянному столу. Адесса положила отрубленную голову на угол стола рядом с собой.

— В бочке есть вода. — Мужчина смущенно посмотрел на нее. — Можешь помыться перед трапезой. На тебе... кровь.

Адесса посмотрела на свою кожу со шрамами защитных рун, выжженными раскаленным железом. Кровь Максима покрывала руки и живот, ржаво-красные крапинки спеклись на черную кожаную повязку на груди. Эти крапинки обра-

зовали таинственные узоры, послание, смысл которого она не могла понять.

— Кровь жертвы — знак чести. Чего ради мне это смы-
вать?

Хозяйка быстро нарезала окорок, рыбу и сыр, и разлила по кружкам воду. Разговор не клеился. Адесса ела с жадно-
стью, почти не обращая внимания на вкус; она просто вос-
полняла энергию. Главкомандующий волшебник был мертв; она попыталась ощутить внутри себя магию крови, но та была полностью использована. Неродившийся ребен-
нок дал магическую силу, необходимую для убийства мо-
гущественного волшебника, и теперь она вернулась к свое-
му обычному состоянию — Адесса всегда была очень силь-
на.

Члены семьи Фэри ели в напряженном молчании, не в
силах отвести взгляд от жуткой головы на углу стола. Шей-
ный обрубок оставил на дереве багровое пятно. При виде
этой отметины они всегда будут вспоминать об Адессе.

— Вы можете похоронить его тело во дворе, — сказала
Морасит, доев черствый кусок хлеба.

Отец пристально посмотрел на нее, затем кивнул:

— Мы от него избавимся.

Младшие дети захныкали.

— Мне пора. — Адесса запила еду остатками воды из
кружки. — Нужно пройти много миль вверх по реке.

— Мы поможем, — чересчур поспешно выпалил отец,
хотя до рассвета было еще несколько часов. — Может,
возьмешь еду? Что нужно?

— В Гантовом броде можно запастись необходимой про-
визией, — предложила хозяйка.

— Мне много не нужно. — Адесса проверила кинжал и
короткий меч, которые были при ней с Ильдакара, а также
нож-эйджаил, способный причинить сильнейшую боль од-

ним касанием. Подняв голову Максима за волосы, она передумала и спросила: — Есть одна вещь, которую вы могли бы мне дать. Мешок.

Хозяйка засуетилась и вскоре нашла холщовый мешок из-под проса. Адесса поблагодарила ее, сунула в него голову, накрутила конец на запястье и шагнула к двери.

— Все, теперь я ухожу.

Глава 6

Странные серые люди Ороганга окружили Никки, протягивая к ней руки и словно намереваясь подавить численностью. Их одежда шуршала, но двигались они неестественно тихо. Она потянулась к своему дару, и на нее накатила дурнота — следствие прерванного путешествия в сильфиде. Серебряное создание ранило ее, то ли случайно, то ли намеренно. Где же сильфида? Никки нужно уходить!

Когда странные бормочущие люди приблизились, она достала кинжалы из ножен и угрожающе выставила перед собой.

— Я не вражду с вами, но буду защищаться. — Она попыталась к основанию высокой статуи Утроса. — Я не хочу вас убивать.

Один из людей в капюшонах закричал на диалекте, который Никки не понимала. Другие тоже заговорили, их голоса звучали отчаянно. Еще один сказал с сильным акцентом нечто похожее на:

— Взять ее! Времени мало.

У людей не было оружия: ни мечей или кинжалов, ни даже кнутов или дубинок; но их число увеличилось вдвое за считанные мгновения. Они приближались к Никки.

— Солнце всходит! — прозвучал еще настойчивее третий голос. — Прячемся.

Никки рубанула воздух кинжалами, отгоняя людей. За горами разгорался рассвет, и странные люди впали в неистовство. Появились новые серые люди, размахивавшие древними на вид мечами. Они встревоженно завопили. Госпожа Смерть безо всяких колебаний просто испепелила бы их огнем волшебника, но эти худощавые суетливые люди явно чего-то боялись. Прямо сейчас ее контроль над магией казался неустойчивым, но все же это был лучший способ отогнать толпу, никого не убивая.

Она сунула один кинжал в ножны и выставила перед собой ладонь. Несмотря на пульсирующую головную боль, она призвала дар и сформировала защитную стену из воздуха. Невидимый боевой таран отшвырнул пятерых наступавших бойцов, и те повалились на товарищей, но толпа уже подступала с противоположной стороны. Их речь стала более разборчивой, хотя они говорили на искаженном диалекте.

— Взять ее! Отвести в здание!

— Торопитесь! Солнце всходит!

Несмотря на дрожь в ногах, слабость и головокружение, Никки нашла в себе достаточно сил, чтобы снова ударить воздухом, оттолкнув еще больше нападавших. Ее схватили сзади за плечи. Четверо молчаливых чужаков перелезли через постамент статуи Утреса, чтобы застать ее врасплох. Серые люди накинулись на нее, как волки на раненого оленя, пытаясь повалить на землю.

Никки развернулась, призвав крутящийся вихрь, который разметал их всех по сторонам.

— Не подходить! — Бросившись вперед, она вонзила кинжал между ребер костлявой женщины, и та рухнула, истекая кровью, к ногам каменного генерала. Раненую немед-

ленно подхватили и унесли в одно из зданий. Темные пустые дверные проемы напоминали беззубые рты.

Глаза колдуньи метались от цели к цели, а толпа колебалась, но все же напирала, выискивая возможность атаковать. Почему она так нужна им? Терпение Никки закончилось, она не могла позволить себе ни мягкости, ни сострадания. Она сосредоточилась на своей твердости, на сердце из черного льда — оно было мощью Никки, в отличие от уязвимости эмоций. Это был ее щит против любви, хотя Ричард учил, что сама любовь может быть силой. Благодаря ему Никки прониклась уважением к помощи людям и борьбе за большее благо, но не могла забыть о других своих сильных сторонах.

Когда руки отчаянно потянулись, чтобы схватить ее, она призвала дар, готовая выпустить более разрушительную магию.

— Оставьте меня в покое, иначе вы все умрете.

— Все умирают! — выкрикнул кто-то из толпы. — Жисс не должны заполучить ее!

Люди двинулись вперед, будто услышав призыв. Никки обрушила молнию на каменные плиты площади — предельно ясное предупреждение. Молния проделала длинную борозду и отбросила в сторону сразу четырех людей в серых одеждах. Колдунья повернулась, и подол черного платья хлестнул ее по ногам. Она была готова встретить следующего противника. Когда дневной свет стал ярче, она смогла разглядеть выражение их лиц — они были полны испуга и тоски, но не жажды крови. Это снова заставило задуматься: нужно ли их убивать?

— Возьмите ее! — крикнула одна женщина. — Поторопитесь.

Люди ринулись вперед, будто позабыв о демонстрации сил колдуньи, и Никки пришлось разметать еще дюжину

вторым ударом молнии. Но людям в капюшонах, похоже, было все равно; они хотели схватить ее. Застав Никки врасплох, они набросили ей на спину грубую сеть. Утяжеленная камнями сеть повалила Никки на колени, но она выпрямила спину и выпустила поток жара, испепелив опутавшие ее пряди. Поднявшись на ноги, Никки стряхнула с себя пепел.

Новая атака колдуньи заставила землю задрожать, и каменные плиты зашатались. На другом конце площади повалилась колонна. Колдунья выбросила вперед руку и направила на толпу стену воздуха, но люди подступали с разных сторон. Их было много. Слишком много!

Когда Никки сражалась с полчищами полулюдей Сулакана, она, глядя в их пустые кровожадные глаза, не испытывала ни малейшего сомнения, никогда не видела в них ничего человеческого. Но у этих незнакомцев в серых одеждах было другое выражение глаз. Это был не голод, а скорее нужда, тоска.

— Я не хочу убивать вас. Зачем вы это делаете? — Она держала окровавленный кинжал в одной руке, а другую ладонь выставила вперед, призывая дар. Она могла продолжать сражаться, но определенно чувствовала себя слабее. Ей нужно отдохнуть и восстановиться после пагубного путешествия в сильфиде.

Какой-то мужчина схватил ее сзади, но Никки раздавила его горло своим даром и отбросила тяжелое тело в сторону. Она больше не могла осторожничать, ведь ее атаквали. Все больше и больше бесстрашных людей окружало ее, а Никки, разозлившись еще сильнее, отбрасывала их во все стороны. Она не единожды предупредила, но это было все равно что пинать ногами морские волны.

Кто-то схватил ее за запястье, заставив выронить кинжал.

— Мы должны забрать тебя! — настаивал закутанный в плащ человек. — Прекрати сражаться!

Другой ударил Никки по затылку, и у нее перед глазами вспыхнуло красное пятно. Она слышала крики, возбужденный шепот, испуганные стоны. Десятки рук схватили ее за руки и ноги, подняли и понесли прочь. Оглушенная Никки поняла, что они тащат ее к высокому дворцу на краю большой площади.

Она старалась не потерять сознание и дотянуться до своего дара, но в ушах звенело. С криком Никки выпустила едва контролируемую волну магии и обожгла двух похитителей. Они отшатнулись, руки их дымились, но другие продолжали тащить сопротивляющуюся Никки.

— Солнце появилось из-за горизонта, — крикнул кто-то.
— Скорее!

Когда рассветные лучи растворили мрак на площади, эти безумцы исчезли — как жуки, разбегающиеся из-под поднятого камня. Они бросились к разным строениям и нырнули внутрь темных помещений. Пытаясь вырваться, Никки услышала, как по всей площади захлопали двери, и тяжелый стук перекладин запечатал их внутри. Неистовая толпа рассеялась, как дым на сильном ветру.

Хватка на ее руках и ногах была железной. Похитители втащили ее через арочный дверной проем в здание, где ее поглотили тени. Обратив свой гнев в силу, Никки боролась с удвоенной энергией, царапаясь и брыкаясь.

— Не заставляйте убивать вас!

— Идем с нами!

Из раны на голове сочилась кровь, и Никки больше не могла позволять себе милосердия. Она отбросила людей волной магии и упала на пол в закрытом холле. Вскочив на ноги, она призвала сферу огня волшебника и швырнула в переполненный людьми коридор у входа. Она должна избавиться от этих людей. Смертоносное пламя прошло сквозь восемь нападавших, и Никки почувствовала запах горелой

плоти и волос. Обугленные трупы ударились о стену и сползли на пол. Горящие тела рассеяли тени у входа во дворец.

Никки вырвалась из последних цепких рук и развернулась, чтобы выбежать на площадь, но ей преградила путь старуха в серых одеждах. На ее морщинистом лице застыла мольба.

— Стой! Мы пытаемся спасти тебя! — Слова ее прозвучали с сильным акцентом, но были вполне понятны. В голубых глазах Никки вспыхнули гневные вопросы, но женщина настаивала: — Не выходи наружу. Ты умрешь. Мы все умрем. Пожалуйста!

Золотой солнечный свет озарил город Ороганг. Острые как бритва тени простирались по земле, и каменные плиты накрыла искаженная тень статуи генерала Утроста. Древний город вновь выглядел абсолютно покинутым. Никки знала: если она выйдет на улицу, эти люди не смогут преследовать ее. По какой-то причине они боялись солнца.

Она стояла лицом к ним у двери, тяжело дыша.

— Я не знаю, кто вы и что собирались делать. Почему вы напали?

— Мы спасали тебя! — Старуха сжала ладони в кулаки. — Это было для твоей же безопасности.

Другие серые фигуры осторожно двинулись вперед, не обращая внимания на все еще горящие трупы павших товарищей.

— Жисс близко! Ты должна оставаться внутри.

— Мы готовы убить тебя, лишь бы не отдать им.

— Кто я для вас? — спросила Никки. — О чем вы говорите?

Старуха осторожно приблизилась:

— Можешь наблюдать из теней, но мы должны запереть дверь. Если мы позволим жисс схватить тебя, если позво-

лим рою напитаться свежей кровью... — она умолкла, словно ей было слишком страшно закончить фразу.

Бледные люди тихо забормотали, покрытые пеленой страха. Никки поняла, что они боятся не ее, и это очень тревожило. Она повернулась лицом к зарождающемуся дню, глядя на пустой город.

Снаружи, следуя за золотистым утренним светом, клубился зловещий черный туман. Он состоял из тысяч крапинок, крошечных кусочков тьмы, точно рой черной саранчи. Черные миазмы мерцали и искрились чернильными тенями, протягивая щупальца и исследуя руины Ороганга.

Никки почувствовала пронзившую до костей зловещую опасность.

— Во имя Владетеля, что это?

— Жисс, — сказала старуха.

Черное облако расползлось по Орогангу, будто смертоносная чума, и затаившиеся люди дрожали от ужаса.

Глава 7

— Мы мало на что можем повлиять, — заговорил Натан, — но, добрые духи, на что-то мы все же способны.

Группа отступила в лес, продолжив наблюдать за огромной армией врага.

Сидя на покрытом мхом бревне, аббатиса Верна выглядела столь решительной, будто наложила на себя чары. Ее блузка и дорожная юбка были потрепанными и грязными после долгого путешествия.

Она повернулась к сестрам Света и ученым Твердыни:

— Враг кажется слишком большим, но мы сосредоточимся на маленьких победах, и шаг за шагом победим генерала Утреса.

Две Морасит одарили друг друга решительными ухмылками.

— Каждая стычка — это возможность поразить как можно больше врагов, — сказала Торн.

— Сначала сотня, потом еще сотня, затем тысяча, — кивнула Лайес. — В конце концов мы изменим ситуацию.

— Аплодирую вашей уверенности, дамы, — сказал Натан. — Вы столь же смертоносны, сколь и привлекательны.

— Мы усердно трудимся над обоими качествами, — фыркнула Торн.

У нее были короткие черные волосы, густые брови и ярко-карие глаза. Натан почти не видел в ней мягкости, хотя и не ожидал этого.

Он стряхнул муху с шелкового рукава и посмотрел на отряд защитников.

— Вы все видели: убитые нами солдаты были обычными людьми. Если заклинание сошло, это облегчит нашу работу.

— Они будут испытывать голод, — заметил генерал Зиммер. — Теперь они не смогут взять в Ильдакаре припасы. Более ста тысяч солдат, отрезанных от обеспечения. Им придется разграбить все деревни и городки на своем пути.

— Мы не можем оставить мирных жителей без защиты! — тревожно воскликнула Эмбер.

— Нужно предупредить все близлежащие деревни, чтобы люди подготовились к грядущему. — Натан указал подбородком на группу. — Мы можем двигаться быстрее, чем вражеский отряд разведки.

К ним подошел взволнованный волшебник Ренн:

— Из старых записей у нас, хм, есть общее представление о здешних местах, хотя лишь некоторые одаренные дворяне решались выйти за пределы городских стен. — После стольких дней пути он был похож на лошадь, которую

бросили под дождем. — Ильдакарцы не обращали особого внимания на бедные примитивные деревни.

— Утросу потребуются все города, какие сможет найти, — сказал Зиммер. — Он полностью разграбит их, не сомневаюсь.

Капитан Тревор взглянул на группу городских стражников у высоких темных сосен. Их мундиры были потрепаны и заношены, но они оставались верны городу, которого больше не существовало.

— Много лет назад саван вечности спал с города, и главнокомандующий волшебник Максим отправил разведывательные отряды. Он хотел узнать о внешнем мире. Я изучал отчеты и могу вспомнить несколько ближайших городков, так что мы найдем их раньше Утроса.

Тревор расчистил ровный участок земли от еловых иголок и острием кинжала набросал окрестности Ильдакара, отметив города.

Зиммер стоял над картой, пытаясь сориентироваться.

— Мы должны разделиться на несколько отрядов, чтобы как можно быстрее распространить известия.

— У Утроса тысячи ртов, — добавила Верна, — и совсем нет еды. Голод может убить их вернее, чем мечи.

— Мне нравится убивать их своим клинком, — сказала Торн, касаясь рукояти короткого меча.

— У тебя еще будет немало возможностей, дорогая, — сказал ей Натан. — Не беспокойся.

* * *

Разделившись на группы и выбрав поселения, защитники двинулись к выходу из леса. Ренн попросился сопровождать Натана, и два волшебника отправились на поиски городка под названием Ханавир.

У Натана под белым балахоном с золотой отделкой были надеты черные дорожные штаны, белая рубашка с рюшами и черные кожаные сапоги. Он считал себя одновременно и волшебником, и искателем приключений. У бедра висел в ножнах изысканный клинок — на случай, если он окажется в традиционном сражении.

Ренн шел рядом с ним по холмам и лесам. Его каштановые волосы, когда-то уложенные в локоны, сейчас были лохматыми; подбородок зарос щетиной, глаза покраснели. Несмотря на изнурительное отступление из Ильдакара, Натан старался поддерживать свой внешний вид, брея подбородок острым ножом и сохраняя чистоту шелкового балахона при помощи дара или просто воды из ручья. Ренн выглядел сломленным и изможденным, его больше не волновал внешний вид. Уныние просто сокрушило его.

— Пока есть возможность, я хотел бы поговорить с тобой, — сказал Ренн, шагая вслед за Натаном по охотничьей тропе. Бывший пророк придержал низко свисающую ветку, и другой волшебник нырнул под нее, даже не заметив. — Когда я покинул Ильдакар, чтобы отыскать Твердыню, Лани была статуей. — Он глубоко вздохнул, опустив взгляд. — Она была прекрасна, даже в камне. Я приходил в башню властителей, когда там никого не было, и просто любовался ею. — Он выставил перед собой руку и стал задумчиво ее разглядывать. — Иногда я гладил холодное твердое лицо Лани и вспоминал, как целовал ее.

Лани успела произвести на Натана впечатление, хотя он знал ее совсем недолго.

— Я знаю, что она любила тебя. Лани была очень решительной.

Ренн вздохнул:

— Жаль, что меня не было рядом, когда она так храбро погибла. Я мог бы защитить ее.

Натан положил руку на плечо волшебника:

— Понимаю, друг мой, но там были я, Квентин и дорогая Эльза. Ава и Рува обратили магию слежения против Лани так быстро, что мы не успели ей помочь.

Покрасневшие глаза Ренна наполнились слезами.

— И все же я должен был быть рядом. По крайней мере, я мог бы в последний раз обнять ее.

Натан сглотнул комок в горле, разделяя боль Ренна.

— Эльза использовала последние силы, чтобы отбросить меня и остальных на безопасное расстояние, а потом активировала свое заклинание. Я тоже не смог спасти ее. — Он расправил плечи. — Но мы можем сделать кое-что, чтобы все было не напрасно — внести свой вклад в спасение мира.

После нескольких часов пути по необитаемым холмам они наткнулись на дорогу. Волшебники ускорили шаг, и вскоре увидели жилища, пасущихся овец и старые яблоневые сады. Большое скопление домов, амбаров и лавок образывало оживленный городок. Натан приметил зерновые хранилища, кладовые, коптильни. Люди возились на садовых участках; мужчина ехал в повозке, запряженной мулом.

— Должно быть, это и есть Ханавир, — сказал Ренн.

Горожане приветствовали их, нисколько не удивившись незнакомцам.

— Мы пришли предупредить вас, — крикнул Натан. — Этот городок в опасности. Огромная армия придет, чтобы отобрать у вас все и, возможно, убить вас. Вам нужно подготовиться.

Вперед вышел хромой старик. У него было квадратное лицо, густые седые волосы и борода.

— Довольно странный способ представиться, господа. Я — мэр Ханавира.

— Эмм, мы думали, что вы оцените предупреждение, — сказал Ренн. — Армия генерала Утроса пробудилась. Сотни тысяч солдат намерены пройти по всему Древнему миру.

— И им нужна еда, — продолжил Натан. — Они выслали отряды разведчиков. Они найдут Ханавир, и заберут все, что у вас есть.

— Но мы и сами небогаты. — Мэр скорее был растерян, чем встревожен.

Натан хмыкнул:

— Полные желудки и спокойная жизнь мешают вам осознать, как много вы имеете. В этом городе есть что грабить.

— Но прежде нас никогда не беспокоили, — сказал каретник, стоявший у мастерской.

— Все когда-нибудь случается впервые, — произнес Натан.

Мэр любезно предложил им присоединиться к общей трапезе, чтобы все обсудить. У Натана при мысли об обеде потекли слюнки, но он чувствовал раздражение из-за такого пренебрежения опасностью. Он взглянул на амбары, склады, мясную лавку и коптильню.

— Мы должны начать прямо сейчас. Схороните ваши припасы в пещерах или закопайте в лесу, где никто не сможет найти их. Уведите с пастбищ овец. Иначе налетчики заберут все.

Хромой мэр цокнул языком.

— Нам нужно созвать собрание, чтобы все обсудить. У вас есть доказательства, что эта великая армия идет сюда? Нам не следует действовать поспешно.

Ренн в раздражении вскинул руки.

— Борода Владетеля, Ильдакар исчез, а генерал Утрос уже на подходе! Вот почему мы пришли предупредить вас.

Натан видел, что жизнь в Ханавир слишком долго была спокойной; никто здесь не ожидал кризиса. К несчастью, у

него не осталось времени для убеждения: по дороге, ведущей в город, застучали копыта, и в облаках пыли появился отряд из нескольких сотен солдат. Воины были облачены в древние доспехи с символом пламени императора Кергана. Когда налетчики ворвались в городок, мэр и его люди подняли тревогу. Родители в панике хватали детей и бежали в дома, чтобы запереться там, в то время как другие хватались за любое оружие.

Натан узнал первого командующего Еноха, который возглавлял отряд. Старый ветеран прямо сидел в седле, а рядом на гнедой кобыле ехала одна из близнецов-колдуний, тело которой покрывали завитки черной и алой краски — экзотичная, красивая и смертоносная.

Енох громко обратился к испуганным горожанам:

— Именем генерала Утроса мы требуем продовольствия. Мы конфискуем зерно, скот, мясо, хлеб. И заодно фургоны для перевозки.

— Но мы будем голодать! — воскликнул мэр.

— А мы нет, — сказал Енох. — Солдатам пища нужнее, чем вам.

Сопровождавшая его колдунья скривила губы в легкой усмешке.

Два волшебника пробрались через толпу горожан и вышли вперед. Натан почувствовал, как внутри пробуждается дар.

— Боюсь, нам придется остановить вас, первый командующий.

Енох узнал волшебника, который участвовал в первых переговорах с генералом Утросом. Колдунья громко рассмеялась, на ее лице появился жадный восторг.

— Я знаю тебя, старик. Натан, не так ли?

— Может, я и прожил тысячу лет, но я не стар, — возразил он. — Кто ты, Ава или Рува? Я думал, вы неразлучны.

— В детстве нас разделил нож, — сказала она, неосознанно касаясь длинного шрама на ноге, — но мы все еще связаны. Я Рува.

Лицо Ренна исказилось от гнева, и он призвал свой дар.

— Ты убила Лани! — С его пальцев сорвалась молния и полетела в колдунью. Зазубренное копьё энергии издало обжигающее шипение, но Рува отразила его щитом, и оно ударило в землю у копыт ее кобылы. Лошадь встала на дыбы, но женщина вцепилась пальцами в гриву, чтобы удержаться в седле.

Она нанесла ответный удар волной горячего воздуха, и Натан едва успел поднять свой щит. Ее атака была резкой, и отраженные щитом всполохи жара сбили с ног хромого старого мэра и нескольких горожан. Пять сотен солдат въехали в город вслед за Енохом, преследуя застигнутых врасплох жителей, с криком разбежавшихся по улицам. Ситуация быстро вышла из-под контроля.

Ренн швырял в древних солдат стены воздуха, но Натан сосредоточился на своем главном противнике — колдунье. Он сотворил шар огня волшебника и поднял его, собираясь метнуть в Руву.

Первый командующий Енох привстал на стременах и проревел:

— Стой, волшебник, я приказываю тебе!

Натан попридержал шар огня волшебника и повернулся к покрытому шрамами ветерану.

— Я могу испепелить тебя в одно мгновение, так не пора ли тебе сдаться? Прикажи солдатам отступить.

Енох даже не вздрогнул.

— Напротив, это ты должен прекратить сопротивление. — Он пронзил Натана стальным взглядом и заговорил еще громче: — Или мои солдаты убьют всех жителей до последнего, а потом мы все равно заберем продовольствие. У

меня пятьсот солдат. Можете сразиться, даже многих убить, но я уверен, что мы сможем зарезать каждую семью в городке, прежде чем вы остановите нас — и ты знаешь, я могу это. — Его тон стал более рассудительным. — Сейчас нам нужны только припасы, но все может закончиться резней, если вынудите.

Топот копыт перемежался криками — всадники рассредоточились по узким улочкам между зданиями. Два волшебника колебались, глядя друг на друга, и Енох выкрикнул приказ:

— Воины! Покажите, что мы настроены серьезно!

Копыта коней безжалостно топтали матерей и их детей, солдаты рубили лавочников и ремесленников, пытавшихся защитить свой город. Жители Ханавира не были воинами, и кровопролитие было незамедлительным и драматичным.

Объединив усилия, Натан и Ренн сшибали древних воинов волнами ветра, блокируя атаку, но по всему городу продолжалась резня. Удары молний поражали по пять-шесть солдат за раз, но воины усиливали натиск, сея хаос. Ханавир заполонили враги, грабившие все здания без разбору. Два волшебника не могли сражаться против пятисот кровожадных воинов, смешанных с толпой мирных жителей.

— Прекрати! — вскричал Натан, призывая большой шар огня волшебника и метя в Еноха. — Я испепелю тебя, первый командующий.

Ветеран лишь рассмеялся, по-прежнему сидя в седле.

— Тогда кто помешает моим людям сеять хаос в городе? Я могу отозвать их сейчас, если капитулируете. — Слова его были тише, чем крики и лязг клинков. Древние солдаты бросали факелы, поджигая дома и лавки. Он повторил твердо, но рассудительно: — Нам нужна лишь провизия. Люди

не должны умирать. Но если заставите нас сжечь поселение дотла, то вина ляжет на ваши плечи.

Натан изо всех сил пытался найти какое-то другое решение, и еще дюжина людей погибла за время паузы. Девочка с плачем подбежала к матери, а в следующий миг солдат убил их обеих, и они умерли в объятиях друг друга.

— Остановитесь! — взвыл Ренн. — Прошу, остановитесь!

Рува обратила на него ядовитый взгляд:

— Я могу сразиться с вами обоими, если желаете. Я бы с удовольствием извлекла ваши кости одну за другой.

Натан жаждал спасти Ханавир, но не мог сражаться со всей армией разом. Сколько жителей погибнет за это время?

Солдаты окружили сотню напуганных мужчин и женщин, включая старого мэра, и все они подняли руки, сдаваясь. Солдаты подняли мечи для массовой казни, и Енох повернулся к Натану и Ренну, подняв руку и готовясь подать сигнал.

— Стойте! — простонал Натан. — Не убивайте больше никого.

— Тогда прекратите сопротивление, — сказал Енох. — Сейчас же.

— Отдай приказ, — взмолился Ренн под продолжающиеся крики. — Скажи им, чтобы прекратили убивать!

Первый командующий взмахнул рукой, и по строю прокатилась волна передаваемого приказа.

— Пока хватит кровопролития! Нам нужны рабочие, чтобы грузить припасы. — Он фыркнул. — Не стоит все усложнять.

В ярости от своей неудачи, Натан изо всех сил пытался сдерживать дар, зная, что за применение магии Енох отомстит убийствами. Он выждет и испепелит старого ветерана

в тот момент, когда это не сможет привести к еще большему количеству смертей.

— Заберем волшебников с собой, — сказала Рува, гордо восседая на кобыле. — Генералу Утросу понравятся такие пленники. Мы с сестрой можем выпотрошить их, чтобы поискать внутри магию.

— Я убью тебя и твою сестру! — выкрикнул Ренн. — За Лани!

Натан, однако, мыслил более практично.

— Мы не можем позволить захватить нас, — прошептал он Ренну.

С улиц Ханавира он призвал ветер, управляя им, словно ткач тонкими шелковыми нитями. Он вытягивал дым из горящих зданий, подтаскивая его ближе, будто плотный и едкий занавес. Прежде чем Енох успел отдать приказ, Натан закрутил вихрь дыма, скрыв себя и Ренна ядовитой завесой. Он схватил волшебника за бордовый рукав.

— Давай, надо бежать.

Они помчались по улице, а дым все сгущался, прикрывая их отступление. Яростные крики обманутой Рувы остались позади.

На сердце у Натана было тяжело, оттого что они не смогли спасти Ханавир. Два волшебника едва унесли ноги.

Он надеялся, что другие отряды добьются большего успеха.

Глава 8

Бэннон, выдержав очередной день изнурительной работы на реке безо всяких шансов спастись, рухнул на носовую палубу корабля короля Скорбь. С наступлением ночи над головой заискрились звезды, но незнакомые созвездия каза-

лись очень далекими и не могли помочь ему. Но Бэннон должен позаботиться о себе и спасти как можно больше людей. Он держался за эту идею.

Почти пятьдесят рабов из Ильдакара стонали и скулили, когда их привязывали или приковывали к палубе. В темноте звуки с болота становились громче: хищники покидали илистые берега и густые заросли.

Бэннон не оплакивал свое положение, а испытывал гнев и чувство решимости. Его избитое тело покрывали синяки, мышцы болели. Голод зверем вцепился в живот. Он знал, что другие рабы тоже страдают.

После нескольких дней интенсивной работы многие корабли частично восстановили: заменили мачты и реи, перетянули такелажные канаты, залатали поврежденные корпуса и осушили трюмы. Непригодные для ремонта судна разобрали, оставив лишь деревянные скелеты. Бэннон искал возможности саботировать починку и даже оставил изъяды в некоторых судах, но этого было недостаточно, чтобы потопить их.

За это время погибло семь рабов, и Бэннону казалось, что многие скоро умрут от истощения. Он сам был в лучшей форме, чем остальные. В тренировочных ямах Ильдакара Бэннона обучили и закалили для битв, но остальные ильдакарские пленники привыкли к спокойной и благополучной жизни. В качестве норукайских рабов они долго не протянут.

Сгорая от нетерпения ввязаться в войну, король Скорбь вымещал гнев на своих.

— Быстрее! Корабли нужны уже сейчас. Мы должны отплыть к Норукайским островам! — накричал он днем на Гару и еще двух корабельных плотников.

— Четыре судна будут подготовлены и загружены провизией сегодня ночью, мой король, мой Скорбь, — сказала

Гара, почтительно поклонившись, и ее косы качнулись из стороны в сторону. — Обещаю.

Бэннон скорчился на палубе; его запястья были связаны веревкой, а лодыжки прикованы к штырю в палубе. Починка змеиных кораблей была ужасной работой, но его положение сильно ухудшится, когда флот налетчиков отправится вниз по реке. Бэннон уже не сможет отыскать путь в Ильдакар.

Его сердце болело из-за потери города и друзей. Несмотря на свои темные пороки и уродливые тайны, Ильдакар обладал огромным потенциалом. После свержения владычицы Торы он мог снова стать великолепным городом. Лила хотела, чтобы Бэннон остался, но теперь ее не было рядом, и сердце юноши терзала боль. Он понял, что не просто скучает по своей защитнице и воительнице. Сначала она заботилась о нем из чувства долга, но со временем их отношения переросли в нечто большее.

Натан тоже пропал, но Бэннон надеялся, что волшебник все еще жив. Теперь к нему вернулся дар, и никто не посмеет шутить с Натаном Ралом. А Никки... она осталась где-то далеко после исчезновения Ильдакара.

Бэннон сомневался, что снова увидит кого-то из них. Он был в ловушке, один, прикованный цепью к палубе норукайского корабля.

— Пресвятая Мать морей, — пробормотал он.

Но он не поддастся унынию. Должен быть способ выжить и одолеть ненавистных норукайцев.

Когда обманчиво успокаивающие звуки болота стали громче, у Бэннона заурчало в животе. Рабам приходилось пить из ведер грязную речную воду. Некоторых тошнило, и тогда грубые норукайцы выливали на них целое ведро воды, чтобы смыть рвоту и не дать вони задержаться на палубе.

В стущающей темноте Бэннон видел зажженные фонари на палубах дрейфующих кораблей, связанных между собой канатами. Судно короля и еще три стояли на якоре у берега, готовые к отплытию, и Скорбь не собирался ждать. Часть флота он решил оставить позади.

Двое норукайцев шли по освещенной факелами палубе, неся деревянную кадку. Они остановились у первой группы связанных рабов и поставили ношу на палубу. Один мужчина поднял черпак, с которого капала жижа из рыбьих потрохов и речной воды.

— Ужин!

Первый раб с отвращением отвернулся, но норукаец выплеснул содержимое черпака ему в лицо. Мокрые внутренности потекли по его подбородку, и когда раб понял, что другой еды не будет, то попытался проглотить часть. Усвоив урок, следующий раб открыл рот, когда норукаец плеснул тошнотворное месиво ему в лицо.

Мелок за их спинами скакал с ноги на ногу.

— Ужин, ужин! Моя рыба, ваша рыба! — Он запустил длинные пальцы в деревянную кадку, выловил рыбью голову, подбросил ее в воздух и поймал ртом, как дрессированная собака. Захрустев чешуей, он подошел ближе к Бэннону. — Рыбы пытались съесть меня, и теперь я ем их!

Свет восходящей луны подчеркивал шрамы на его белой коже. Бэннон задумался, что пережил шаман, какое испытание оставило такие шрамы и довело его до грани безумия.

— Они недостаточно тебя поели, — буркнул себе под нос Бэннон.

Мелок подскочил к нему и сел на корточки.

— Они съели достаточно. Рыбы-бритвы обгрызли мне руки, ноги и то, что между ними. — Он прижал ладонь к промежности, прикрытой набедренной повязкой. — Они многое отняли, но и кое-что дали. — Шаман наклонился так

близко к Бэннону, что юноша почувствовал запах протухшей рыбы из его рта. — Мою силу! Я многое вижу. Я знаю будущее, вижу города в огне, кровь на мечях, слышу крики. Думаю, это хорошие крики.

— Может, это крики умирающих норукайцев? — спросил Бэннон, но шаман не обратил внимания на сарказм.

Мелок склонил голову набок, словно прислушиваясь к шепоту.

— Да, некоторые крики принадлежат норукайцам. — Голос его прозвучал так, словно он делился секретом.

Шаман явно находил Бэннона занимательным и считал, что юноша отличается от других пленников из Ильдакара. Двое норукайцев поставили зловонную деревянную кадку на палубу, и Бэннон собрался с духом. Он поднял голову, чтобы принять пищу, поклявшись сохранить силы до того момента, когда они действительно понадобятся, но едва не задохнулся, когда на лицо вылили рыбы потроха. Он заставил себя проглотить.

Съежившись и подражая ему, Мелок тоже поднял голову, как птенец, просящий червяка. Норукаец плеснул месиво из рыбьих потрохов шаману в лицо, доставив тому удовольствие. Мелок оторвал голову маленькой рыбки и сжал ее двумя пальцами.

— Ты не получил рыбью голову. Особое угощение.

Прежде чем парень успел возразить, Мелок сунул рыбью голову в рот Бэннона. Тот поморщился, но проглотил отвратительный кусок. Почему альбинос уделяет ему столько внимания?

С кормы змеиноного корабля донеслось эхо барабанного боя, и на свет фонаря вышел король Скорбь. Замолчали все — рабы и норукайцы. Голос короля слышали на ближайших судах.

— Четыре змеиных корабля готовы к отплытию, и четырех достаточно, чтобы посеять ужас, когда мы пойдем вниз по реке. Сегодня ночью мы отправимся в бастион, а потом сможем начать войну.

Мелок вскочил на ноги:

— Мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть.

Король поднял тяжелую деревянную дубину и снова ударил в барабан надсмотрщика за гребцами — громче, чем раньше. Утробные голоса сотен норукайцев донеслись с бортов других кораблей, находившихся на различных стадиях ремонта.

— Мы будем грабить деревни по пути к открытому морю. Другая часть флота уже собирается на Норукайских островах, и я должен быть их королем и полководцем. — Скорбь пренебрежительно крикнул через воду другим судам: — Заканчивайте ремонт и возвращайтесь к нам. — Он поднял руку с железными костяшками. Цепь на его поясе зазвенела, когда он повернулся и отдал приказ поднять якорь. — Первые корабли отправляются в путь. Сейчас же!

Норукайские моряки подняли полуночно-синие паруса на четырех отремонтированных кораблях и разрубили канаты, которые их связывали. Бэннон почувствовал слабость, зная, что стоит им отплыть от Ильдакара, и он уже едва ли сможет сбежать. Он с тоской взирал на густую растительность на берегу, натягивая свои веревки и цепи. Он не знал, как выбраться с корабля, но продолжит искать способ.

* * *

Из колючего тростника Лила следила за кораблями налетчиков, зная, что некоторые — включая корабль Бэннона — уже отремонтированы и готовы отплыть. В темноте она услышала барабанный бой и отдаленные грубые выкрики. Морасит узнала голос короля Скорбь.

Ли́ла выжидала уже несколько дней. Пока норукайцы чинили корабли, она строила планы и готовила ловушку из лоз и деревьев, росших вдоль реки, тихо работая под покровом ночи. Ее самым большим преимуществом было то, что норукайцы о ней не знали.

Она отвергла десятки замыслов, которые вели к провалу. Ли́ла не могла проиграть. Если б дело было только в ней, она безрассудно бросилась бы в атаку и убила минимум дюжину норукайцев, прежде чем погибнуть. Но у нее была более важная задача — освободить Бэннона.

Когда четыре отремонтированных корабля были готовы отплыть вниз по реке, Ли́ла поклялась остановить их. Она уже несколько дней готовила западню, при помощи лиан сгибая тонкие болотные деревья и превращая их в импровизированные катапульты. Тайная работа делала ее уязвимой для болотных драконов, больших змей и хищных пауков размером с крысу. Одних Ли́ла убивала, других избегала. Теперь все было готово, а она лежала в засаде.

Подняв якоря и расправив темные паруса, четыре змеиных корабля двинулись в ночь. Ли́ла знала, что есть только один шанс.

Она не была уверена в точности прицела, так как не могла испытать свои грубые катапульты, поэтому приходилось полагаться на расчеты. Бэннон был на борту корабля короля Скорбь, и она не собиралась случайно убить юношу во время атаки.

Ли́ла собрала пучки сухих веток и мертвых лоз в горячие тюки, которые скоро станут метательными снарядами, и нагрузила три упругих молодых деревца, привязанных к земле. Согнутые деревца дрожали и были готовы к запуску. Когда корабли начали отходить, Ли́ла ударила кинжалом по кресалу, которое носила в сумке, и высекла искру, чтобы зажечь первый тюк. Пламя разгорелось, и она подошла

снаряд во второй катапульте, затем в третьей. Она чувствовала терпкий запах горящего зеленого дерева.

Затем она перерезала веревку, удерживающую первое согнутое дерево. Со стоном оно выпрямилось и запустило огненный шар в сторону норукайских кораблей. Лила перерезала вторую веревку, чтобы запустить следующий снаряд. Огненная комета с ревов пронеслась по небу, и первый снаряд ударил в корабль — не Бэннона, с некоторым облегчением заметила она. Команда бросилась тушить пламя, пока оно не охватило весь корабль.

Второй шар просвистел над следующим судном и упал в реку. Пламя с шипением потухло.

Третий же снаряд угодил в судно, следующее за флагманом, и пламя расплескалось по палубе, охватывая оснастку. Норукайцы бросились тушить огонь, но пожар быстро вышел из-под контроля. Судно на реке Киллрейвен превратилось в факел.

Другие три корабля тут же отплыли от горящего судна, в то время как король Скорбь и норукайцы выкрикивали оскорбления своему невидимому противнику на берегу реки.

Лила вышла из зарослей на илистом берегу, чтобы посмотреть на вызванный ею хаос. Она улыбнулась, а потом снова нырнула под тень деревьев. Три корабля уплывали по реке.

* * *

Ни король Скорбь, ни его команда не могли спасти охваченное огнем судно, поэтому флагманский корабль устремился прочь от разлетающихся на ветру искр.

Связанный и прикованный к палубе Бэннон едва сдерживал радость, наблюдая, как норукайцы прыгают за борт, спасаясь с горящего судна. Он гадал, кто запустил огненные

снаряды, которые пролетели над головой, как падающие звезды. Кто-то еще пытался сопротивляться! Кто-то еще остался на свободе! Несколько рабов на палубе смеялись и ликовали, приветствуя эту неожиданную победу, пока норукайцы-хозяева не избили их до бесчувствия.

Пока они отплывали от утесов, Бэннон продолжал наблюдать за зарослями, и мельком увидел гибкую девушку. Не может быть! Лила! Змеинный корабль быстро уплывал прочь, но Бэннон чувствовал огромную радость, просто зная, что она рядом.

Глава 9

Никки стояла в каменном дверном проеме дворца и наблюдала, как черное облако вползает в Ороганг.

— Жисс... — с дрожью в голосе произнесла старуха рядом.

Закутанные в ткань люди толпились, больше боясь того, что было снаружи, чем присутствия Никки. Некоторые выглядывали на дневной свет, другие прятались во мраке лишенных окон коридоров.

Разумное облако кружило, как грозовая туча, разбившаяся на обсидиановые осколки. Каждая крапинка была размером с кусачую черную муху, но вместе они представляли собой бесформенную хищную массу. Воздух наполнился жужжанием тысячи ульев, и звук становился все громче, пока масса пролетала мимо заброшенных зданий.

— Что это такое? — прошептала Никки.

— Смерть, — ответила старуха. За ее спиной, во мраке закрытого дворца, люди хранили абсолютное молчание.

Из черной массы вытягивались щупальца, обшаривая все в поисках добычи. У жисс была цель.

Никки заметила движение в кустах, которыми заросла площадь. Два оленя щипали нежные зеленые листики. Стало уже почти совсем светло. Самка наострила уши и подняла голову, а молодой самец с короткими мягкими рогами продолжал жевать цветы, но вскоре и он заметил жужжащее облако.

Жисс двигались в сторону животных. Черные точки кружились в воздухе, вытягиваясь в расплывчатое щупальце, которое походило на свечной воск, стекающий по наклонной поверхности. Встревоженные олени отскочили, но не распознали угрозу.

Никки хотела спугнуть оленей из своего укрытия, но старуха крепко, будто тисками, сжала ее плечо.

— Молчи! Мы не смеем привлекать к себе внимание.

Черное облако с жужжанием двинулось вперед, окружив оленей. Животные попытались убежать, но было уже поздно: одно из щупалец жисс накрыло их облаком кровожадных комаров. Олень, задыхаясь, рухнул на каменные плиты. Бедные животные дергались и метались, но в конце концов затихли.

Вскоре отдельные крапинки поднялись, словно захмелевшие шмели, и отлетели от жертв. Теперь они походили на набухшие шарики размером с виноградину и сменили цвет с черного на пурпурно-красный. Остальная часть облака парила и разрасталась, все еще голодная. Жисс продолжали исследовать древний город в поисках добычи.

Никки, испытывая отвращение от увиденного, повернулась к старухе. Теперь она понимала, что сделали для нее эти странные люди. А она еще и убивала их!

— Вы спасли меня. Вы знали, что скоро произойдет. Если бы я оставалась там после восхода солнца...

— Мы спасли тебя, а быть может, и весь мир, — ответила женщина. — Мы не могли позволить им забрать тебя. Кровь одаренной колдуньи невероятно сильна.

Никки была расстроена тем, что не смогла вовремя их понять. Их древний диалект и настойчивость привели к трагедии, но они отчаянно пытались удержать ее подальше от черного облака. В тишине голоса людей звучали громко, и жисс уловили этот звук снаружи. Часть роя устремилась к высокому дворцу, где прятались Никки и остальные. Затаившиеся люди в унисон вздохнули и отступили глубже в тень. Старуха и еще несколько человек навалились на толстую дверь. Никки тоже ее легонько подтолкнула и захлопнула как раз в тот момент, когда жисс с жужжанием ударили в массивную конструкцию. Сквозь твердую как камень древесину она слышала вибрирующий гул — разгневанная сила извергала свое разочарование.

Никки подождала, пока ее глаза адаптируются к неровному свету факелов на каменных стенах. Люди запечатывали все щели и трещины, чтобы ни свет, ни хищные черные мошки не проникали внутрь.

Это был внушительный дворец со сводчатыми потолками и настолько большими залами, что факелы не могли их толком осветить. Внутри толпились сотни бледных людей. Их оказалось гораздо больше, чем ожидала Никки. Все они были в неброских серых одеждах. Они выглядели вполне здоровыми, но затравленными.

Поток вопросов в ее голове все не унимался.

— Объясните, что здесь происходит, — потребовала она. — Что такое жисс и кто вы сами?

Пока люди перешептывались, старуха откинула капюшон, под которым оказались седые волосы с несколькими каштановыми прядями. Через ее тонкую бледную кожу просвечивали кровеносные сосуды.

— Я Кора. Мы называем себя Прячущимися людьми, потому что именно это мы и делаем — прячемся.

— И чего вы добились? Такая стратегия редко бывает пригодной.

— Мы контролируем жисс, — ответила Кора. — Мы оберегаем Ороганг. Оберегаем мир.

Люди зашептались громче. Никки была рада, что ее догадка подтвердилась.

— Так это Ороганг, столица империи императора Кергана.

— То, что от нее осталось, — сказала Кора.

— Император Керган давно мертв, — мрачно произнес мужчина с квадратной челюстью. — Он уничтожен мстостью своего народа, но генерал Утрос еще вернется. Так гласит древнее пророчество.

Никки удивилась его словам, но не стала указывать на то, что желание этого человека может сбыться, хотя и не так, как он ожидал. Мужчина представился как Сайрус.

— Город пал много столетий назад, — продолжила рассказ старуха, — после свержения Железного Клыка. Простой народ жаждал провозгласить генерала Утроса своим следующим императором, и уже тогда один безумный пророк утверждал, что Утрос вернется в Ороганг. Но шли годы, а он так и не возвращался. Империю поглотила гражданская война. Люди сражались под разными флагами, разбившись на фракции и полностью сосредоточившись на конфликтах. — Она глубоко вздохнула. — Тогда пришли жисс.

— Утрос вернется! — настаивал Сайрус.

— Думаю, мы ждали достаточно, — фыркнув, девушка с каштановыми волосами бросила раздраженный взгляд на Сайруса.

— Что такое жисс? — спросила Никки, думая об истинной опасности. — Откуда они взялись?

Прячущиеся люди слушали свою историю с беспокойством, но позволили старухе продолжить рассказ.

— Огненная звезда упала с небес и ударила в горы. Внутри она была наполнена жисс, словно яичный мешок с пауками. — Ее морщинистое лицо стало хмурым. — Они стали питаться людьми. Поначалу жисс были всего лишь небольшим черным сгустком, но с каждой жертвой рой увеличивался. Твари использовали нашу кровь для размножения, и облако удваивалось вновь и вновь. Некоторые из нас научились прятаться. — Кора закрыла глаза, и в тусклом свете факела Никки увидела слезы.

Колдунья задумалась.

— Но Кергана свергли полторы тысячи лет назад. Вы не можете быть такими древними. — Она вспомнила заклинания сохранения, которые пронизывали Дворец Пророков и предотвращали старение. Самой Никки было больше ста восьмидесяти лет. — Или можете?

— Нет, — покачала головой Кора, — это было много поколений назад, но мы остались, потому что таков наш долг. Нам нужно удерживать жисс. Если уйдем, облако разыщет другие деревни, поселения, города, и тогда жисс будет уже не остановить.

Девушка, которая высказала колкость в адрес Сайруса, подошла ближе и даже улыбнулась.

— Рой выходит только днем, так что мы в безопасности, если остаемся в зданиях до темноты. — Девушка была миловидной и могла разбить сердце любому юноше, но ее портила бледность. — Я Аша. По ночам мы занимаемся охотой и собирательством. У нас есть запасы еды по всему городу, которой хватит на десятилетия, но мы не осмеливаемся покинуть Ороганг.

— Мы ждем, — сказал Сайрус. — У нас есть предназначение.

— Но жисс убили двух оленей, — сказала Никки. — Разве рой не увеличился?

Кора покачала головой:

— Жисс поддерживают себя кровью животных, но в человеческой крови есть некое свойство, которое позволяет им размножаться. — Старуха понизила голос: — А кровь одаренных — самая сильная.

Никки поняла, насколько уязвимой она была в руинах города.

— Как вы узнали, что я колдунья, когда увидели меня ночью?

— Мы не знали, — сказала Кора. — Мы просто пытались спасти тебя, но ты сопротивлялась при помощи дара, и мы поняли, что необходимо увести тебя от жисс, даже если многие из нас погибнут. Если бы черное облако настигло тебя... — Она замолчала и вздрогнула.

Никки задумалась, сможет ли ее дар противостоять голодному черному рою. Она бы не стала на это рассчитывать.

— И потому мы остаемся, — продолжила старуха, — и кормим рой ровно столько, чтобы держать под контролем. Он не уходит, но и мы не можем уйти. Никак.

— Если только не остановим его, — вмешалась Аша.

Оглядев просторный вестибюль дворца, Никки нахмурилась при виде обгоревших тел. Пытаясь избежать плена, она воспользовалась огнем волшебника.

— Простите, что я причинила вам столько вреда, — огорченно повторила она. — Я не понимала ваших действий.

— Мы сделали это не только ради твоего спасения, — усмехнулся Сайрус. — Если б жисс выпили твою кровь, наше положение стало бы намного хуже. — Голос его стал

резче. — Если бы мы не успели увести тебя, то нам бы пришлось тебя убить.

Никки взглянула на него в мерцающем свете факелов.

— Вы бы попытались.

Глава 10

Верна и ее спутники пробирались через лес в поисках маленькой горной деревушки, надеясь опередить налетчиков. Ее сопровождали розовощекая послушница Эмбер, Морасит Лайес и пятеро д'харианских солдат.

Лорд Орон с суровым выражением лица шагал рядом с аббатисой. Он был недоволен своим нынешним положением.

— Прежде я был уважаемым членом палаты волшебников и главой гильдии кожевников. Теперь я продираюсь через чащу в надежде отыскать несколько лачуг.

Впереди послышалось блеяние овец, и деревья расступились, открывая широкий луг. Тридцать солдат в доспехах гнали вниз по травянистому склону перепуганное стадо.

Верна бросила взгляд на могущественного волшебника из Ильдакара.

— А я была аббатисой сестер Света. Теперь, похоже, мы оба станем овечьими пастухами.

Лайес ускорила шаг:

— Этого мяса хватит накормить многих вражеских солдат. Мы не можем позволить забрать животных. Ну же, давайте остановим их.

Пока Верна смотрела на солдат, подгонявших овец, ее голос перешел в низкое хрипкое рычание:

— По крайней мере, мы заставим их заплатить за то, что они сотворили с семьей пастуха.

Часом ранее они учуяли запах дыма и наткнулись на горящий домик на лугу. Там же они нашли тела женщины и ее дочери — у обеих было перерезано горло. Ничего съестного в доме не осталось, все было съедено или унесено. На пастбище они обнаружили палатку, в которой были пастух, его сын-подросток и собака — все мертвые. Палатка была поожжена, трупы наполовину обгорели. Теперь древние солдаты гнали стадо к основной армии.

— Всего лишь тридцать солдат, — сказала Лайес, остановившись на опушке леса. — Наши мечи быстро справятся. Я бы убила всех сама, но тогда Торн может не поверить моим подсчетам. — Ее губы изогнулись в улыбке, когда она посмотрела на д'харианских солдат. — Я позволю моим товарищам поучаствовать в стычке.

— Мы с аббатисой обладаем магией, — заметил Орон. — Несколько мы можем взять на себя.

Солдаты на лугу били мечами по своим щитам с изображением пламени, подгоняя овец и не подозревая, что за ними наблюдают.

Д'харианцы выхватили оружие и пригнулись, прячась за деревьями. Ветерок покачивал ветви и шелестел листьями. Лайес сжала короткий меч и глянула через плечо на своих спутников, вопросительно выгнув густые темные брови.

— Чего же мы ждем?

— Я ждать не собираюсь. — Орон поднял руку и призвал дар.

Небо над лугом потемнело, порывистый ветер усилился. Мародеры подняли головы, недовольные внезапной грозой. Одинокая черная туча исторгла ливень точно на луг, промочив солдат насквозь. Овцы с блеянием продолжали идти.

Орон с улыбкой переплел пальцы, и тонкая молния вонзилась в гущу вражеских солдат, убив двоих и разбросав остальных. Овцы в ужасе бросились врассыпную.

Аббатиса Верна и остальные не нуждались в приказах. Улыбаясь, Эмбер создала хлыст из воздуха, которым ударила и захватила одного из вражеских солдат, сбив с ног. Он вскрикнул от удивления.

Из леса выскочили д'харрианские солдаты под предводительством худошавой Морасит. Из-за проливного дождя и завывающего ветра древние воины не понимали, сколько противников их атакует.

Из черной тучи Орона прогремел гром. Очередная молния превратила одного из вражеских воинов в обугленные куски плоти. Лайес с быстротой ягуара прыгнула в гущу испуганных солдат. Взмахом короткого меча она обезглавила одного, а обратным ударом вспорола живот второму.

— Двое! — вскрикнула она и бросилась на следующую жертву.

Верна с криком побежала вперед, и Эмбер последовала за ней:

— Я с вами, аббатиса!

Верна чувствовала себя старой и усталой после долгого путешествия, но была крепкой женщиной. Она обучила немало юных волшебников во Дворце Пророков, и ей даже удалось навязать свою волю Ричарду Ралу. Она была ученым, лидером и могущественной колдуньей.

И она уже бывала на войне.

Верна сотворила воздушный карман над мечущимися перепуганными овцами, затем резко сжала его, соединив ладони. Раздался громкий хлопок, и этот безвредный шум заставил испуганных овец броситься к деревьям.

Женщина посмотрела на Орона:

— Теперь мародеры не поймают этих овец.

— Эффективно, аббатиса, — слабо кивнул волшебник, — хотя я предпочел бы убивать врагов, а не пугать. — Он под-

нял обе руки и крутанул запястьями, изменяя свое заклинание.

Капли дождя превратились в длинные острые ледяные снаряды и пронзили вымокших солдат. Затем на них накнулись д'харианцы.

Разведывательный отряд Утроса не ожидал сопротивления, когда направлялся грабить незащищенные деревни и жившее на отшибе семейство пастуха. Захваченные врасплох древние солдаты оказались легкой мишенью, и были быстро и методично устранены.

Лайес, верная своему слову, убила шесть врагов. Трое д'харианских воинов были ранены в схватке, и теперь сидели под прояснившимся небом и перевязывали друг друга. Самые тяжелые ранения исцелили Верна и Орон.

До захода солнца группа успела разбить лагерь рядом с разгромленным домом. Двое мужчин вытащили тела пастуха и его сына из обгоревшей палатки и принесли к дому. Верна и спутники похоронили несчастных, сочтя это своим долгом, и теперь вся семья покоилась рядом.

— Владелец забрал их слишком рано, — сказала аббатиса. — Но, по крайней мере, в подземном мире они будут вместе.

— Лучше бы он забрал остатки древней армии, — жестко сказал Орон. — Хотел бы я отправить их всех в подземный мир.

Тела древних воинов они оставили гнить на склоне холма.

Когда наступила ночь, они развели костер, чтобы рассеять темноту. На лугу появилась Лайес, неся на плечах выпотрошенную овечью тушу.

— Остальное стадо разбежалось, — сказала она. — Нам хватит и одной, а Утросу не достанется ничего. — Морасит

бросила тушу рядом с огнем, а затем кинжалом отрезала куски самого сочного мяса. — Это был хороший день.

— Да, вполне, — сказала Верна.

Они убили три десятка врагов, но оставалось еще не-сметное количество древних солдат, и эта мысль давила на нее. Сегодня была лишь тренировка? Заметив довольную улыбку Эмбер, она решила позволить послушнице насладиться победой. Верна пообещала себе не считать войну непосильной задачей. Будет много поражений и утрат, прежде чем все будет сказано и сделано, но сегодня они победили...

Глава 11

Сколь велика была армия Утроса своим числом, столько же в ней было и тактических вопросов. Поскольку генерал планировал завоевание Древнего мира, главными его задачами были управленческие.

Поздним вечером он стоял у своего шатра и в задумчивости смотрел на раскинувшийся лагерь, пока солнце опускалось за горы на западе. Его тактический ум походил на сложную последовательность вращающихся шестеренок, одна мысль сменяла другую, пока он обдумывал последствия своих действий. Он коснулся золотой маски, закрывавшей левую часть лица, — он был вынужден заплатить эту цену. Последствия...

Он понимал тяжелое положение армии лучше, чем кто-либо из его солдат, но не позволял отчаянию толкнуть его на еще один поспешный шаг. Он тщательно все спланирует, используя интуицию, опыт и стратегию. Утрос прислушивался к звукам лагеря, пока голодные солдаты устраивались на ночь. Они собирались вокруг костров, чтобы поговорить

о потерянных близких или поиграть в древние азартные игры.

После сокрушительных неудач — атаки гигантских воинов Иксакс, возвращения серого дракона, огненной магии переноса — командиры докладывали о фактических потерях только Утросу. Он не мог позволить войску понять, какой страшный урон они понесли. Его армия никогда не должна узнать, что действительно может потерпеть поражение. Тела павших спешно сожгли в погребальных кострах, чтобы скрыть истинный масштаб потерь. А чтобы солдаты реже вспоминали о погибших товарищах, Утрос перевел выживших в новые роты и назначил новых командиров. Воины даже не успели осознать, сколько товарищей они потеряли. Впрочем, самым большим ударом была потеря самого Ильдакара.

Утрос повернулся к отвесному обрыву на краю долины. Целый город исчез, как будто никогда и не существовал. Завоевание Ильдакара было его предназначением, выжженным в нем императором Керганом. Именно по этой причине он и его огромная армия выступили из Ороганга и преодолели горы. Теперь их главная цель была утрачена.

Утрос знал, что времени у него немного. Он прижал маску к грубому шраму на щеке. Боль в ране отдавалась где-то в черепе. Его люди все еще верили в него. Они доверяли своему генералу, их преданность ему была сильнее, чем Железному Клыкку. Утрос не подведет их, но он должен дать им опору, какую-то новую надежду, достижимую цель. Он сплотит их, укрепит их решимость.

Ава вышла из тени шатра. Ее грудь и плоский живот покрывали странные узоры, нарисованные сажей и темно-красной краской. Прозрачное голубое платье мало что скрывало. Она была поразительно красива, как и ее сестра,

и столь же сильно внушала страх. Она протянула руку и погладила его мощные бицепсы.

— Моя сестра возвращается, возлюбленный Утрос. — Ее пальцы задержались на рельефном узоре медного браслета. — Я чувствую ее.

Его взгляд остановился на шраме на внешней стороне бедра колдуньи. Сестры родились со сращенными ногами, и только потом отец разделил их — физически. Их хань оставался связанным.

Ава указала подбородком на несколько сотен всадников, рысью спускавшихся с северных холмов по выжженной траве. Они вели за собой вереницу повозок и вьючных мулов, нагруженных мешками зерна и бочонками эля, а также гнали овец, коров, коз и нескольких яксов. Еще издали Утрос узнал первого командующего Еноха и бледный раскрашенный силуэт Рувы во главе отряда.

Солдаты у костров, увидев подводы, разразились радостными криками. В течение дня десятки отрядов возвращались с разнообразной провизией, которую набрали в деревнях или хуторах в холмах. Этого небольшого количества еды пока хватало успокоить армию.

Утрос был уверен, что ни один из его солдат не сможет подсчитать точного количества зерна, коров, овец, коз, кур, оленей или кабанов, необходимого, чтобы прокормить более сотни тысяч ртов. Он должен найти решение, прежде чем армия осознает масштаб проблемы.

Утрос снял шлем, украшенный двумя изогнутыми рогами безобразного быка, которого повелители плоти Ильдакара послали против его армии.

Когда вернувшийся отряд проезжал через ликующий лагерь, Ава взяла генерала под руку и пошла рядом, защищая его своей красотой и могущественным даром. Енох и Рува подъехали к генералу для доклада. У первого командующе-

го было серое грубое лицо с многочисленными боевыми шрамами, которые придавали грозный вид. Енох снял шлем и провел ладонью по взъерошенным седым волосам.

— Наша миссия была успешной, генерал.

— Вижу. — Утрос наблюдал, как повозки едут через лагерь. Захваченные припасы и скот распределяли по отрядам. Он понизил голос. — Все животные должны быть забиты сегодня же. У нас нет возможности содержать их. Накормите всех вдоволь.

Енох помрачнел:

— Этой еды надолго не хватит, сэр.

— Мне это известно. У вас были какие-нибудь трудности?

— Нет, — со странной злорадной улыбкой ответила Рува.

Когда Утрос с любопытством посмотрел на первого командующего, Енох пояснил:

— В городке Ханавир было много припасов, но мы столкнулись с неожиданным сопротивлением.

— Горожане сопротивлялись? Против пятисот вооруженных воинов?

Старый ветеран покачал головой:

— Нет, там были два заплутавших волшебника. Помните того, с белыми волосами, Натана Рала?

Утрос поджал губы:

— Да, он вообразил себя историком и сообщил мне, что мое имя легендарно. — Он ощутил горечь сарказма в горле. — Именно Натан рассказал мне о падении императора Кергана и о том, что случилось с моей дорогой Мэджел. — Желчь подступала к горлу каждый раз, когда он думал об этой милой женщине, о том, как ее же муж ради мести живьем содрал с нее кожу. — Золотая маска давила на лицо, и

Утрос поправил ее. — Но дар Натана исчез, разве нет? Кажется, он был бессильным волшебником. Как он сражался?

— Его дар вернулся, — ответила Рува. — Он и еще один волшебник из Ильдакара по имени Ренн пытались защитить город. Но мы одолели их.

Утрос был доволен, но озадачен.

— Ты одолела двух волшебников? Каким образом?

— Сострадание было их слабостью, — сказал Енох. — Мы не могли бороться с ними напрямую, но убили нескольких невинных горожан и пригрозили поубивать всех, если они не уступят. Волшебники сбежали, и мы забрали все припасы.

— Мы все равно должны были убить жителей, чтобы наказать их, — надменно фыркнув, сказала Рува.

— Такого приказа у меня не было, — с намеком на гнев ответил Енох. — Основной задачей было добыть припасы, чтобы накормить наши войска, а не мстить за какую-то мелочь.

— Это не отняло бы много времени, — легкомысленно сказала колдунья, но уступила.

Они смотрели, как воины под руководством вторых командующих Халдерса и Арроса разгружают повозки и делят припасы.

— Солдаты будут следовать приказам до тех пор, пока голодные животы не убедят их в обратном. — Утрос покачал головой. — Мы не можем и дальше стоять лагерем в этой никчемной долине. Ильдакар исчез, как и все его припасы. Нет никаких причин оставаться здесь. Наша армия должна двигаться, и скорее.

— Нас ждет целый континент, — сказала Ава.

— Мы не можем позволить королю Скорбь забрать все, — добавила Рува.

От этой мысли Утросу стало не по себе. Он взглянул на долину:

— На рассвете сворачиваем лагерь и выступаем на запад быстрым, даже стремительным маршем. Еда скоро закончится. — Он понизил голос. — В полукаменном состоянии желудки нас не беспокоили. Мы не оценили благо, которое шло рука об руку с этим проклятием. Теперь армия должна продержаться достаточно долго, чтобы переправиться через горы.

— Ты удержишь армию, — сказала Рува.

Утрос не мог избавиться от холодного кома в груди. За прошедший месяц он уже направил десятки экспедиционных отрядов водрузить повсюду знамя Утроса. Теперь придется собирать по пути все ресурсы, что удастся найти, лишь бы огромная армия не останавливалась.

Но он с нетерпением ждал марша.

Глава 12

Когда Адесса двинулась вверх по течению реки, возвращаясь в далекий Ильдакар, ее единственной компанией была отрубленная голова Максима, которую она несла в окровавленном мешке. Морасит шла твердым шагом, но без спешки, так как охота завершилась. Ее жертва была мертва, но задание не было закончено. Она должна принести трофей домой.

Домой. Адесса редко позволяла себе такие мысли. Будучи Морасит, она полностью отдавала свое тело и способности Ильдакару. У Адессы не было ни радостей, ни сомнений, только служение. Она будет сражаться и одолеет любого противника на боевой арене; она убьет любого врага, который угрожает городу, даже самого главнокомандующе-

го волшебника. Она не считала пролитую кровь — ни свою, ни чужую.

Перед смертью Максим поддразнил ее, сказав, что Ильдакар может быть осажден военным флотом норукайцев. Он также утверждал, что разрушил заклинание окаменения и освободил гигантскую армию генерала Утроса. У Адессы не было причин ему верить, поскольку волшебник имел привычку лгать. Как только она вернется в город, то сама увидит правду и будет сражаться, если понадобится.

Проходя милю за милей, Адесса предвкушала, как увидит прекрасный город, его зеленые улицы, башню властителей и пирамиду жертвоприношений, боевую арену, пропитанную кровью и славой. Адесса обучила многих бойцов, и некоторые, как Ян, даже стали чемпионами, что было редкой честью. Она позволила Яну стать ее любовником и оплодотворить. Несмотря на то, что Адесса убила Яна, когда он предал Ильдакар, она не могла отрицать привязанность к нему. Если бы только он не был развращен...

У Гантова брода, покинув семейство Фэри, она подумывала найти лоцмана, который переправил бы ее вверх по реке в Ильдакар, но у Адессы не было настроения для компании. Она могла довольно быстро передвигаться в одиночку и была одна с тех пор, как властительница послала ее на охоту. Восстание в Ильдакаре уже наверняка подавлено, Тора и палата волшебников восстановили порядок и наказали преступников. Адесса вернется домой с триумфом.

Она шла вдоль реки Киллрейвен по грунтовой дороге, которая по мере удаления от городка превращалась в еле заметную тропинку среди деревьев. Опасные болота далеко на севере доставили бы больше проблем.

После тяжелого дня пути она поела вяленого мяса и фруктов из дорожного мешка и остановилась разбить лагерь. Адесса собрала хворост на поляне и села на повален-

ное дерево со сгнившей корой. Костер из сухих ивовых прутьев, травы и дубовых веток потрескивал, источая струйки дыма. Она отпила из бурдюка и снова достала дорожную еду. Через несколько дней придется охотиться, но сегодня она просто отдохнет, а затем двинется дальше, как только взойдет солнце.

Неподалеку шептали волны, плескаясь о берег. В уютной темноте щебетали ночные птицы и гудели насекомые.

Адесса подняла мешок с жутким содержимым и поставила голову Максима на пень напротив костра. Она приспустила ткань, обнажив обесцвеченную опухшую кожу. Одутловатые глаза главнокомандующего волшебника были полуоткрыты, студенисты, с молочной белизной. Рот был открыт, а губы обмякли, обнажая зубы. Раньше на этом лице часто появлялась плутовская улыбка, наполненная скорее ядом, чем юмором. Теперь кожа имела маслянистый зеленоватый отпечаток разложения, а шейный обрубок покрывали ржаво-коричневые пятна.

Пытаясь удержать голову в вертикальном положении, она надавила на нее, чтобы сплюснуть мягкую плоть.

— Этим вечером ты составишь мне компанию, — сказала Адесса. — Но при жизни компаньон из тебя был скверный. Властительница Тора презирала тебя. Теперь ты будешь молчалив и почтителен.

Адесса сидела на бревне напротив мертвой головы и размышляла, заканчивая трапезу. Сидевшие на деревьях вороны закричали и разлетелись. Она подняла глаза, гадая, что же их так встревожило.

Когда прозвучал насмешливый голос, по ее позвоночнику пробежал холод.

— Ты думаешь, что победила.

Рука Адессы метнулась к короткому мечу на бедре, пока она вставала. Костер снова затрещал. Она огляделась.

— Ты не победишь, — сказал голос, и она повернулась к голове Максима. Его распухшие глаза теперь были открыты, а белки сфокусированы на ней. — Ильдакар уже пал.

— Во имя Владетеля! — воскликнула она.

— Да, во имя Владетеля. — Губы Максима раздвинулись и потрескались, из них сочился гной. Распухший язык мелькал между зубами, когда челюсти двигались, формируя слова. — Ты еще не закончила работу, Морасит.

Уверенная, что это плод воображения, Адесса уставилась на голову:

— Молчать!

Голова на пне закачалась, когда Максим засмеялся.

— Завеса истончилась, границы стали ненадежны. Многие души проходят сквозь трещины. — Голова снова хихикнула. — А я довольно изворотлив.

— Замолчи!

Сжимая короткий меч, она обошла вокруг костра и нависла над отрубленной головой. Глаза Максима смотрели на нее с насмешливой невинностью.

— Я отделила твою голову от тела, — сказала Адесса. — Я пробила твою грудь деревом и разорвала сердце. Ты мертв.

— Быть может, меня не так легко убить. — Он снова рассмеялся.

— Я разрублю твою башку надвое, а потом рассеку на множество кусочков.

Он только усмехнулся.

— Думаешь, избавившись от этого сосуда, ты сможешь уничтожить мой дух? Можешь попробовать. — Губы его кривились в презрительной ухмылке. Гниющие глаза зажмурились, и когда он снова открыл их, из глазных яблок потекла жидкость. — Разве ты не обещала дорогой Торе,

что принесешь мою голову? Если разрубишь меня на куски, как объяснишь свою неудачу?

Адесса колебалась, глядя на него сверху вниз.

— Ну же, — продолжал зловещий голос, — мы будем спутниками в долгом путешествии в Ильдакар! Но уверяю, от города ничего не осталось. — Он снова хихикнул. — Хотя откуда тебе знать? Тебя так долго не было.

— Ты лжешь.

— Как дух, я вижу многое.

— Ты ничего не знаешь. Ты моя жертва. Ты мертв.

— Да, — ответил Максим. — И все же я еще здесь.

В отчаянии и отвращении она натянула мешок на отрубленную голову и туго его завязала. Теперь голос Максима был просто шепотом, но не смолкал. Она положила сверток по другую сторону упавшего дерева. Аппетит пропал, и Адесса не могла уснуть на протяжении всей долгой и шумной ночи.

Глава 13

В светлое время суток Прячущиеся люди занимались повседневными делами в полумраке зданий Ороганга. Они затыкали каждую щель, заделывали каждую трещину, чтобы ни единый луч солнечного света не мог проникнуть в их убежище. Бледные мужчины и женщины зажигали факелы, фонари и свечи, чтобы осветить коридоры дворца. Даже находясь в безопасности массивных стен, они все равно двигались украдкой.

Никки посмотрела на высокие арки; каменные колонны терялись в тених высоко над головой. Кора вела ее через большие темные залы с холодными каменными стенами, покрытыми пятнами мха.

— Зачем ты пришла к нам? — спросила старуха. — В Ороганге почти не бывает путешественников. Что привело тебя сюда?

— Ты пришла по горной дороге? — добавила юная Аша, едва не наступавшая ей на пятки. — Мы стережем ее, но наши ночные охотничьи патрули тебя не видели.

Их сопровождало еще несколько человек, слушая разговор и шурша серыми одеждами. Они тихо переговаривались, будто привыкли общаться исключительно шепотом.

— Я пришла не по дороге, — сказала Никки. — Меня принесла сильфида. Если вы так долго живете в этом городе, то наверняка о ней знаете.

Прячущиеся люди нервно зашептались, а Кора задумалась.

— Мы слышали рассказы о серебряной женщине в колоде, но на нашей памяти никто не видел ее. Говорят, она впала в спячку еще за тысячу лет до императора Кергана.

— Сильфида была создана для перемещения шпионов и диверсантов императора Сулакана задолго до рождения Железного Клыка. — Никки выпрямилась. — Я разбудила ее. Я хотела, чтобы она доставила меня в Ильдакар, но она выбросила меня здесь. Во время путешествия произошло нечто странное. Она думает, что я предала ее. — На сердце у нее было тяжело — возможно, она никогда не сможет призвать это создание; сильфида пропала. — Но мне нужно вернуться к друзьям. Идет ужасная война, и я не могу здесь оставаться.

Кора помедлила, ведя Никки за собой.

— Еще одна ужасная война, очередная ужасная война.

Они вошли в просторный зал с гигантскими мраморными колоннами, на которые опирался купол. Никки остановилась, чтобы оценить размеры — может, это большой тронный зал Железного Клыка?

— Ильдакар во многих днях пути отсюда. — В голосе сопровождающего их Сайруса звучало сомнение. — И ты проделала этот путь в сильфиде?

— Сначала сильфида доставила меня в Серримунди и в Танимуру. Эти места гораздо дальше Ильдакара. Расстояние для такого существа ничто. — Никки помолчала. — Но если я не смогу призвать ее вновь, то не смогу вовремя добраться туда, где я должна быть. Ильдакар в осаде, а может уже пал.

— Мы бы помогли, но наши люди не могут покинуть Ороганг, — сказала Кора. — Из-за жисс мы обязаны оставаться здесь, чтобы оберегать остальной мир.

Никки оглядела похожих на тени людей, снующих туда-сюда по коридорам и исчезающих в темных проходах.

— Сколько вас здесь? — На городской площади ее пытались схватить несколько сотен человек, и она видела еще больше силуэтов в дверных проемах и арках. Были ли они существенной боевой силой?

— Много, — сказала Кора. — Наши люди живут в зданиях и катакомбах, которые соединяют самые большие строения, а также в горных пещерах. Мы повсюду в Ороганге, но не допускаем, чтобы нас видели.

Факелы в грандиозных залах походили на огненные глаза. В древнем дворце императора Кергана было несметное число пристроек и комнат, а также подземные этажи, но тени скрывали величие этого места. В древней столице было много внушительных сооружений. Железный Клык построил все это при помощи огромных налогов и рабского труда; он не считался с людскими жизнями, чтобы укрепить власть. Он был убит своим же народом, но монументы Кергана простояли пятнадцать столетий.

Прячущиеся люди занимались своими делами. Из больших общественных залов доносился стук ткацких станков, скрежет напильников и грубый резкий скрип небольших

пил. Ремесленники делали заготовки для стульев, сколачивали столы и прочую мебель. Другие ткали или пряли, а швеи шили одежду. Внутри города царила тишина, но Никки ощущала уверенность, а не страх.

— Как кормите столько людей? — спросила она. — Видела на улицах склады и амбары. Вы вправду по ночам занимаетесь хозяйством?

— Мы выращиваем зерновые, — пояснила Кора. — Дневной свет заботится о них, а жисс нет дела до растений. Ночью мы возделываем землю и собираем урожай. Наши охотники приносят мясо. — Она довольно улыбнулась. — Нам хватает.

Аша взволнованно вырвалась вперед:

— Но это еще не все! Наша самая важная культура находится под землей. Пойдем, я покажу. — Девушка подошла к арке, за которой оказалась ведущая вниз каменная лестница. Она резво сбежала по ступенькам, ведя их в темный нижний уровень под дворцом.

Никки последовала за Ашей по вызывающей клаустрофобию тесной лестнице в подземное помещение с грубыми каменными стенами. Комната была освещена жутким серебристо-голубым светом, исходящим от мясистых наростов на стенах. Никки почувствовала тягучий болотный запах, который, впрочем, нельзя было назвать неприятным.

Десять человек, в том числе дети, работали среди булавовидных наростов. Одни собирали в корзины серо-белые грибы, в то время как другие раскладывали бурую мульчу для удобрения ростков. Аша оторвала кусочек бесформенной массы со стены и сунула в рот, явно наслаждаясь вкусом.

Сайрус с суровым видом встал у плеча Кору.

— Мы культивируем и возвращаем эту субстанцию, — благоговейным тоном заговорила старуха, — делая ее

нашим величайшим оружием против жисс. Вот почему рой не распространился по всей земле.

Двое детей, собиравших грибы, время от времени откусывали кусочки.

Сайрус тоже набил полный рот, словно это было его обязанностью.

— Мы потребляем этот особый гриб каждый день, чтобы он пропитывал нашу плоть. Это... помогает нашей работе.

Никки поняла, как сильно она проголодалась после пережитых испытаний, и потянулась к грибам, но Кора резко отдернула ее руку.

— Нет, колдунья! Только не для тебя.

Никки попяtilась:

— Я не понимаю ни тебя, ни твоих людей.

Старуха казалась дружелюбной.

— Мы все объясним, это важно. — Она сорвала один из бесформенных грибов, раздавила в ладони и показала получившуюся кашицу Никки. Колдунья сделала глубокий вдох. При помощи дара и обостренных чувств она ощутила зловещий оттенок в пряном запахе: какое-то отвратительное вещество, которое она прежде не замечала. — Гриб смертелен для всех, кто не привык к нему, — сказала Кора. — Яд такой же сильный, как у губельного цветка. Он убьет тебя, едва положишь его в рот.

Пока они стояли в мерцающем сиянии комнаты, Никки наблюдала, как другие люди приходят за своим ежедневным рационом, срывают быстро растущие грибы и жуют их на обратном пути к двери.

— Этот гриб делает нас смертельными для жисс, — продолжила Кора. — Мы выработали способность переносить его воздействие, с раннего детства приучая организм к этому яду. Мы подвергаем свое тело воздействию химикатов,

наращивая сопротивляемость до тех пор, пока кровь, кожа, каждая наша частичка не наполнится ядом.

Сайрус хмуро взглянул на Никки:

— Ты не выживешь, колдунья, каким бы великим ни был твой дар.

Никки доводилось испытывать на себе действие яда, но она не хотела пробовать этот, особенно после тяжелого путешествия в сильфиде, от которого еще не оправилась.

— Мне нужно восстановить силы, а не тратить их. Если сильфида не откликнется на зов, то мне предстоит трудный путь... если смогу найти дорогу назад.

— Мы знаем, где Ильдакар, — сказала Кора. — Мы покажем путь к горным перевалам. Мне знакомы и города на побережье, которые ты называешь Серримунди и Танимура, хотя наши записи очень древние.

— Откуда ты знаешь о побережье, если никогда не покидала этот город? — спросила Никки. — Органг столетиями был изолирован.

Старуха загадочно улыбнулась:

— Это не значит, что мы позабыли.

Покинув комнату с грибами, Кора повела ее и остальных в закрытое надземное крыло, которое служило переходом к другому величественному строению. Они вошли в зал для собраний, где их встретили ярусы пустых скамеек и большое открытое пространство для лектора. Здесь могли проходить совещания и политические дебаты.

На полу стоял солидный стол на ножках толщиной со ствол дерева. На столешнице находилась большая детализированная рельефная карта Древнего мира, вылепленная из глины и раскрашенная естественными красителями — будто кто-то уменьшил настоящие горы, долины и реки, чтобы поместить их здесь. Яркие светильники на четырех углах массивного стола походили на солнца, освещающие ланд-

шафт. Прежде Никки видела лишь небольшие фрагменты карт Древнего мира, но эта трехмерная репродукция охватывала весь Древний мир, от побережья до гор, и даже дальше.

Кора протянула руку и коснулась низменности в скалистых горах, окруженной труднопроходимыми перевалами, но соединенной с внешним миром тонкими линиями добротных имперских дорог.

— Это Ороганг, центр великой империи Железного Клыка.

Старуха провела кончиками пальцев вдоль горных хребтов, следуя по дорогам на юг, спускаясь по рекам в широкие долины, где сходящиеся потоки образовывали верховья реки Киллрейвен, которая вела на юг к другому известному городу — Ильдакару. Оттуда река текла дальше, к широкому устью в том месте, где впадала в море. Отыскав Ильдакар, Никки отследила маршрут, по которому прошла вместе с Натаном и Бэнноном: высокий перевал Кол Адаир, пустынные каньоны, скрывающие Твердыню, и через хребты на запад, к морю и бухте Ренда. Она проследовала вдоль береговой линии на север, увидев множество прибрежных городов вплоть до Серримунди и Танимуры.

— Эта карта была создана давным-давно по приказу императора Кергана. Он хотел видеть весь мир, потому что приказал генералу Утросу завоевать его.

— И генерал Утрос когда-нибудь вернется, — вставил Сайрус, приняв уверенную позу и выставив вперед бледный подбородок. — Вспомни старое пророчество! Мы так долго ждали, хотя он наверняка давно мертв...

— О, генерал Утрос все еще жив, — удивила их Никки. — Он и его гигантская армия многие столетия назад были обращены в камень волшебниками Ильдакара, но теперь они пробудились. — Сайрус выглядел потрясенным этой

новостью, но она предупредила его: — Послушай меня, он не спаситель. Несмотря на то, что Железный Клык давно мертв, Утрос намеревается подчинить себе Древний мир. Не жди, что он станет твоим героем.

— Из поколения в поколение мы передаем легенды. — Сайрус так и стоял, расправив плечи. — Он великий человек. Пророчество гласит, что он вернется за нами.

— Может, у вас и есть легенды, но я лично столкнулась с ним. Я знаю, сколько разрушений принесет его армия, сколько людей погибнет из-за его амбиций. Ты должен его бояться, а не надеяться на возвращение.

— Я буду верить в то, во что хочу верить, — усмехнулся Сайрус.

Кора поправила свой серый плащ:

— Я бы не придавала большого значения легендам или так называемым пророчествам, Сайрус. Твой народ слишком долго держался за бесплодную надежду. Вспомни про глупые рассказы о Железном Клыке, про мифы, которые преподносят Кергана как храброго и благородного императора. Он определенно не был достоин легенд или надежд. Откуда тебе знать, достоин ли генерал Утрос?

— Потому что я знаю, — сказал Сайрус с растущим пренебрежением. Его серые глаза не выказывали никакого интереса к истине. — Я верю пророчеству.

Никки не раз видела такое же пустое и фанатичное выражение лиц у последователей Имперского Ордена. Она тоже верила в их учение и отказывалась признавать, что могла заблуждаться или ошибаться. До тех пор, пока Ричард...

— Но я-то знаю правду, — сказала Никки, — веришь в нее или нет.

Глава 14

Огромная армия двинулась вперед: более ста тысяч солдат, а также многочисленные повара, плотники, кожевники, оружейники, конюхи и ремесленники. Каждый солдат сам отвечал за свои доспехи, оружие и сапоги. Каждому приходилось чинить свой плащ, разводить костер, рубить дрова, рыть отхожие места. Войско было огромным городом, находящимся в движении в поисках новых завоеваний.

Первые отряды выступили на рассвете. Они двинулись через долину прочь от пустоши, которая была Ильдакаром, и направились к предгорьям и горам на запад. Вторые командующие Халдерс и Аррос оседлали боевых коней и поехали во главе больших батальонов, которые привычно выстроились в шеренги.

Генерал Утрос наблюдал за всем из командного шатра, а рядом находились Ава и Рува. Он был доволен, что война возобновилась.

— Моя армия подобна огромному валуну на склоне холма. Его нужно подтолкнуть, чтобы он начал движение, но тогда он понесется по склону, неизбежно разрушая все на своем пути. — Золотая маска скрывала половину его улыбки. — Я стану непреодолимой силой, которая сокрушит Древний мир и заставит подчиниться.

Ава посмотрела на него так, словно была очарована магией его притягательности.

— А как насчет короля Скорбь? Разве вы не поделите землю с норукайцами?

— Они едва ли лучше животных. Посмотрим, сколько норукайцев выживет после победы в войне.

Под топот копыт, грохот сапог и скрип колес армия двинулась на запад, к подножию холмов, поднимая облака пыли и пепла над выжженной долиной. Солдаты съели все изъятые припасы, так что каждый лег спать с полным живо-

том и минимумом вопросов. Они будут идти маршем до тех пор, пока генерал Утрос не скамандует другое.

Он отправил еще шесть экспедиционных отрядов по две тысячи солдат в каждом; они двинулись в разные стороны в поисках городов, где можно пожить припасами, совершая набеги от его имени. Утрос таким образом увеличивал масштабы вторжения, а также на двенадцать тысяч сокращал количество ртов, которые требовалось кормить. Между тем основные силы неустанно двигались через горы.

Первый командующий Енох, зная ситуацию, мрачно сидел в седле. Он подъехал к генералу и колдуньям, глядя на них сверху вниз. Пока оставшиеся отряды выстраивались в шеренги, снимаясь с места, шатер разбирали и упаковывали в подводы с припасами. Утрос и близнецы верхом на лошадях последуют за основной армией.

— Теперь солдаты настроены решительно, генерал, и они сосредоточатся на марше, — сказал Енох. — Но скоро их будут заботить стертые ноги и неудобства походной жизни. Днем позже они будут думать только о том, как голодны и, что еще хуже, как долго это продлится. — Он почесал тонкий белый шрам на щеке. — Они почитают вас, сэр, я в этом не сомневаюсь, но долгая боль в пустом желудке может сломить даже самую сильную преданность.

— Я знаю цену преданности. — Утрос подумал о том, что сказал ему Железный Клык, узнав о романе с императрицей Мэджел. Преданность сильнее любви. После ее ужасной казни в реальном мире дух дорогой Мэджел веками подвергался пыткам в мире подземном; она была запугана и сломлена властным духом жестокого мужа.

Преданность сильнее любви.

— Разграбив ближайший город, я раздам все припасы солдатам, — сказал Утрос. — Я не знаю другого способа накормить их.

Рува говорила шепотом, глядя на бредущую к подножию холмов армию.

— У нас с сестрой есть способ поддерживать их, возлюбленный Утрос. Опасное заклинание. Мы должны будем сделать это тайно, потому что людям это не понравится — они только вернули себе привычный облик из плоти и крови. Но без нашей помощи армия распадется, и солдаты погибнут.

Ветерок колыхал тяжелую ткань шатра, взметая пыль.

— И что вы задумали? — спросил Утрос.

— Мы с сестрой знаем заклинание, которое может снизить потребности организма, притупить аппетит и изменить обмен веществ, чтобы они продолжали жить, но это не продлится долго. Они будут переваривать самих себя.

— Заклинание также будет воздействовать на функционирование их тел, — добавила Рува. — Они смогут есть все, что угодно, переваривать все — траву, деревья, кости, любую пищу, которую найдут. Армия будет подобна рою саранчи, опустошающей землю.

— Но выживет, — отметила Ава.

Когда Енох нахмурился, его многочисленные шрамы стали похожи на корчащихся червей.

— Звучит как нечто унижительное.

— Если они истощат силы и падут замертво, они не принесут пользы в моей войне, — сказал генерал.

— Если кто-то все же упадет в голодный обморок или рухнет замертво на марше, — с улыбкой сказала Ава, — то благодаря этому заклинанию остальные смогут съесть эти тела и получить новые силы.

Утросу больше не нужно было ничего слышать.

— Они будут жить и продолжат сражаться за меня. Этим же вечером в лагере, после того как мы вступим в предгорья, я хочу, чтобы вы сотворили свое заклинание. — Он

вздыхнул. — Если понадобится, я возьму на себя всю вину, когда солдаты узнают, что с ними сделали. Я обещал сохранить жизнь моим людям, и таким образом они выживут. — Он посмотрел на колдуний-близнецов. — Спасите их любыми доступными средствами.

* * *

Армия двигалась в полной темноте, вытаптывая травянистые холмы на пути к лесам. Позади оставалась ровная и безжизненная земля, утрамбованная бесчисленными сапогами.

Опытные солдаты знали, как быстро и эффективно разбить лагерь или сняться с него. Разведывательные отряды рассредоточились, чтобы нарубить деревьев и развести костры. Вторые командующие Халдерс и Аррос распределяли скудные пайки, обещая рядовым, что у них будет больше еды после набегов на города. Солдаты им пока что верили. Каждый нашел себе клочок земли, где мог разложить одеяло и лечь, глядя на звезды. Солдаты думали о том, что они когда-то были другими людьми, и как много потеряли. Они опоздали на встречу с Владетелем на пятнадцать столетий.

Когда стемнело, у командного шатра Ава и Рува принялись за подготовку к заклинанию. Самый большой костер в лагере являл собой маяк из потрескивающего пламени и дыма от горящего сырого дерева. Утрос сидел рядом с недавно возведенным шатром, откуда наблюдал за лагерем и прислушивался к происходящему. Любопытствуя, первый командующий Енох присоединился к генералу, пока близнецы готовились к темному заклинанию.

Ава и Рува наполнили глиняные горшочки различными порошками, высохшей кровью, смешанной с солью, пеплом от костей, измельченными корнями, лепестками цветов и собранными ягодами.

Вскоре женщины объявили, что готовы. Обе сбросили голубые платья, оставшись нагишом; вся растительность на их телах была сбрита: на голове, включая брови, в подмышках, и даже между ног. Их тела покрывали вьющиеся узоры из темно-красного, интенсивно-черного и ярко-белого цветов, и Утрос едва замечал их наготу. Каждая из колдуний прижимала к плоскому животу горшочек с порошком.

— Мы начнем, возлюбленный Утрос.

Ава опустила руку в один из горшков и подняла палец, покрытый жирной желтой субстанцией, похожей на топленое сало, смешанное с медом и серой. Она нанесла отметину на центр лба генерала возле края золотой полумаски.

— Для чего это? — спросил он.

— Чтобы защитить вас.

— Ваша магия опасна? Мои люди под угрозой?

— Это спасет вас, — ответила Рува.

Ава мазнула свой лоб и лоб сестры.

— Это сведет на нет заклинание. Магия не изменит вас.

Вы останетесь человеком.

Енох обеспокоенно поднялся на ноги:

— Если мы просим солдат принести эту жертву, разве мы не должны сделать то же самое?

— Было время, когда я именно так бы и поступил, — сказал Утрос, — но сейчас все слишком неопределенно. Мы должны возглавить их, первый командующий. — Он указал на Еноха. — Отметьте и его.

Когда Ава шагнула к нему с горшком, Енох поднял руку, чтобы остановить ее.

— Я не хочу.

Но когда Утрос одарил его стальным взглядом, ветеран со вздохом опустил руку.

— Если это необходимо.

— Заклинание обратимо? — спросил он, когда Ава дотронулась до его лба. — Если вы отметите всех солдат, сможете ли вы сделать их прежними? После того как одержим победу, найдем пропитание, смогут они снова стать нормальными?

Близнецы-колдуньи ответили, уклончиво пожав плечами: — Это то, что мы должны сделать.

Солдаты расположились вокруг костров, обмениваясь историями и увиденными снами, похваляясь тем, как они разбогатеют на военных трофеях, скольких врагов убьют.

Ава и Рува кружили вокруг главного костра, бросая на угли порошки. Вспыхивали искры, дым сгущался, меняя цвет, и расплзался по лагерю подобно миазмам. Солдаты у своих костров не замечали таинственного дыма. Колдуньи стали тихо напевать, бросая в огонь смесь из высушенной крови, костного пепла, горючего порошка, грибов и измельченных клубней. Пьянящий дым рассеивался среди солдат, изменяя их, сжимая желудки и перенаправляя кровотоки.

— Мне нужно, чтобы они выжили, пока мы не доберемся до крупных городов, где будет достаточно еды, чтобы снова накормить их всех, — сказал Утрос.

— Ваша армия может прорубить путь через горы до самого побережья, генерал, — сказал Енох. — Ничто не может остановить их.

— Хорошо. — Утрос скрестил мускулистые руки на груди и удивил остальных неожиданным решением:

— Ближайшие несколько дней армия в твоих руках, первый командующий. Ты возглавишь марш, ну а мне пока нужно отправиться в другое место. — Он тщательно обдумывал дальнейшие действия, но сначала нужно было сделать кое-что еще. — Я возьму тысячу всадников и поскачу на север. Ава и Рува поедут со мной.

Встревожившись, Енох вытер жирное желтое пятно со лба после того, как заклинание было приведено в действие.

— Вы оставляете армию под моим командованием? Куда направляетесь, сэр? Солдаты захотят узнать.

Утрос медленно кивнул:

— Император Керган давно мертв, но от его империи должно что-то остаться, а я служу империи. — Он взгляделся в темные силуэты холмов, закрывавшие небосвод. — Предстоит долгий путь до столицы, Ороганга, чтобы я мог сообщить обо всем тем, кто там остался.

Глава 15

Отряды защитников выполнили свои задания и встретились в лесу под выступом из песчаника. Одни выглядели испуганными, у других от возбуждения кружилась голова. По грубым подсчетам Натана были убиты несколько сотен древних воинов, но также в стычках пали четыре д'харианских солдата. Большинство полевых командиров сочли бы эти потери приемлемыми, но потеря даже четверых была серьезным ударом для их разношерстной команды.

Вернулась последняя группа, в составе которой были капитан Тревор и волшебник Лео. Лео был худощавым мужчиной с узким лицом, лохматыми черными волосами с проседью и темной козлиной бородкой. Он управлял двумя яксеновыми скотобойнями в Ильдакаре, но те времена остались в прошлом. Он сел рядом с другими под выступом из песчаника, выглядя испуганным. Руки его были покрыты спекшейся кровью.

— Я убивал людей. Я использовал свой дар, и я... Я разорвал их на куски. Я смотрел, как они умирают.

— Они были нашими врагами, — сказал Зиммер. — Они это заслужили. Вы уже убили многих на поле боя, пока помогали Эльзе наложить ее магию переноса.

Лео кивнул, по-прежнему выглядя потрясенным.

— Только так мы выживем, — спокойно сказала ему Верна. — И убить потребуется гораздо больше.

Оливер и Перетта вернулись в лагерь с водой из ближайшего ручья, а Эмбер и несколько сестер Света отправились на поиски ягод и диких овощей. Они не рискнули разводить костры, и Натан при помощи дара нагрел плоскую каменную плиту, на которой Ренделл приготовил пристойный ужин, сварив сушеные бобы вместе с диким луком. Во время еды все делились своими впечатлениями.

Слушая рассказ Ренна о Ханавире, Натан рассеянно потирал шрам на груди. Хотя новое сердце билось ровно, он чувствовал, как темная месть пытается овладеть мыслями. Чужая часть сознания, тень главного укротителя Айвена в его сердце, отчитывала за то, что он сделал, оказавшись перед ужасным выбором. Мрачное присутствие Айвена считало, что Натан и Ренн не должны были проявлять милосердия, что слабые горожане Ханавира были необходимой жертвой, чтобы остановить набег. Они заслужили это. Сколько еще погибнет теперь, когда генерал Утрос накормит армию? Натан стиснул зубы. Его сердце — сердце Айвена — билось в груди, как гулкой утробный барабан.

Пытаясь заглушить непрошенные мысли, он вскочил, напугав остальных. Он тяжело дышал, подавляя боль.

— Ханавир мог бы выбрать другой путь, — сказал он, перебив Ренна и не обращая внимания на встревоженные лица вокруг, — но тогда было бы больше кровопролития. Мы должны спасать людей, где можем и когда можем! — Пульс его успокоился, когда он взял под контроль мятущее-

ся сердце. Он снова сел, заверив остальных, что с ним все в порядке, и спокойно доел бобы.

Торн, сопровождавшая отряд генерала Зиммера, с гордостью рассказала, как они одолели сто двадцать вооруженных солдат у деревни рудокопов. Она и ее сестра-Морасит Лайес сравнивали число своих жертв. Натан нашел их обсуждение странной смесью хвастовства и практических советов по уничтожению врага.

Верна с озабоченным видом предложила ему горсть ягод, собранных Эмбер.

— Неужели такова теперь наша жизнь, Натан? Прятаться в лесу, нападая на подавляющую числом армию и постоянно убегая?

Лайес услышала это замечание и возразила:

— Мы более проворны, чем эта армия. Наш небольшой отряд может атаковать и убегать, атаковать и убегать. Через несколько лет мы их истребим.

— Добрые духи... — Натан покачал головой. — В этом я не сомневаюсь, но дураки обычно излишне самоуверенны — а мы не можем позволить себе быть дураками.

Зиммер сидел на камне напротив, жадно поглощая свою порцию. Будучи военным командиром, большую часть жизни он довольствовался походной едой.

— Генерал Утрос сейчас на марше. Вчера мы видели, как они свернули лагерь и направились в сторону предгорий. Наша задача — остановить их.

Натан задумался о том, какой огромный путь он проделал по Древнему миру вместе с Никки и Бэнноном. Он не преуменьшал значение опасностей, с которыми они столкнулись в путешествии — Поглотитель жизни, колдунья Виктория, смертельные тайны самого Ильдакара — но неуправляемая армия генерала Утроса могла оказаться самой большой угрозой.

— Мы не можем бесконечно атаковать и ретироваться. Можно причинять им вред или просто досаждать, но нужен план получше.

Орон хрустнул пальцами и с сарказмом произнес:

— Да, может, нам найти непобедимое оружие или собрать свою собственную огромную армию? Что предлагаешь, Натан?

— Мне не по душе твой настрой. — После возвращения Натан успел умыться и почистить одежду, приведя себя в приличный вид и снова почувствовав себя волшебником. — На самом деле у меня есть идея. Очевидно, мы можем двигаться гораздо быстрее огромной армии, и путь приведет нас обратно к Твердыне. Тамошние ученые, порыскав в архиве, могут найти мощную магическую защиту. Возможно, это наш шанс. Мы доберемся туда раньше генерала Утроса.

— Да! — Перетта ткнула в бок сидевшего рядом Оливера. — А еще мы можем научить сражаться одаренных ученых Твердыни.

Аббатиса Верна подумала о том же.

— Когда укроемся в Твердыне, мы на какое-то время будем в безопасности. Утрос даже не додумается туда пойти.

— Значит, решено, — сказал Зиммер. — Нужно как можно быстрее попасть в Твердыню.

Лайес и Торн посмотрели друг на друга, а затем странным синхронным движением извлекли кинжалы и принялись точить их о ближайший камень.

— Но мы все равно будем беспокоить их, и по дороге убьем как можно больше.

— Да, — согласилась Торн. — Только это и имеет смысл.

Глава 16

После целого дня вынужденного заточения в древних зданиях Никки ощущала беспокойство. Она понимала тяжелое положение Прячущихся людей в борьбе с кровожадными жисс, но больше всего ее беспокоила армия генерала Утроса и угроза целому континенту. Он, должно быть, уже выступил в поход! Она не могла скрываться в тених, пока солдаты штурмуют стены Ильдакара. Или сам Ильдакар исчез, если она правильно поняла загадочную реплику сильфиды перед уходом. Амбициозный генерал не остановится на одной победе или одном поражении. Завоевания были образом его жизни, и Никки должна помочь остановить его. Она оставила Натана и Бэннона, а также одаренных членов палаты волшебников, и ей нужно было найти способ вернуться.

Никки отдыхала в бывших гостевых покоях императорского дворца, чтобы избавиться от странной слабости после последнего путешествия в сильфиде. Большая часть предметов интерьера была давно убрана, а оставшиеся гобелены и драпировки выцвели. Прячущиеся люди вели унылое существование, лишённые солнечного света, красок и радости.

Юная Аша принесла воды, хлеба и мяса. Никки попыталась восстановить силы, но сон не шел. У нее было слишком много забот и разочарований.

Ее чуткий слух уловил тихие шаги в коридоре, и в дверном проеме появилась Кора.

— Солнце зашло, — сказала старуха, — и мы можем отказаться выйти в темноту. Если хочешь выйти на городские улицы, сейчас самое время.

— Значит, я не ваш пленник? — спросила Никки.

— Вообще нет, — изумилась Кора. — Мы пытались защитить тебя, а не держать в плену! Ты могущественная колдунья.

ня. Если бы ты хотела вырваться на свободу, мы не смогли бы тебя остановить.

— Это точно. Хорошо, что вы не пытаетесь.

Кора, освещенная факелами из-за спины, поправила серую одежду:

— Мы надеемся, что теперь ты понимаешь опасность. Солнце село, в городе темно, и жисс вернулись в логово. Ты можешь идти, куда пожелаешь. Если решишь, что должна покинуть Ороганг, уходи до рассвета как можно дальше, иначе жисс найдут тебя.

Никки пересекла континент вместе с Натаном и Бэнном, а много раньше, когда она похитила Ричарда, они вдвоем проделали путь из Вестландии до Алтур'Ранга. Она видела рельефную карту в зале собраний и имела представление, как добраться от этих гор до Ильдакара, который находился южнее. Однако такой поход требовал подготовки, и Никки передумала.

— Я еще не готова к этому. Сначала я попробую другой способ передвижения. — Быть может, удастся заставить сильфиду выслушать...

Она последовала за Корой по извилистым коридорам огромного дворца к главной деревянной двери, широко распахнутой в ночь. Никки глубоко вздохнула, позволяя прохладному воздуху обдувать лицо. Слабый ветерок взъерошил неровно остриженные светлые волосы. На шпалерах вился цветущий виноград, распространяя сладкий аромат, а мотыльки пили нектар из белых соцветий.

Прячущиеся люди рыскали по окрестным холмам. Некоторые уже возвращались с тележками дров, другие перевозили припасы из разрозненных складов. Молчаливые мужчины и женщины работали на огородах и ухаживали за фруктовыми садами. Если не считать постоянной опасности жисс, город казался почти мирным.

Кора присоединилась к сборщикам урожая овощей, а Никки пошла по улицам Ороганга, зная, что должна вернуться в убежище до восхода солнца. Она помнила, как черное облако окружило двух несчастных оленей и высосало досуха.

Она бродила между упавших колонн, разглядывая рухнувшие арки и огромный заглубленный амфитеатр. Она прошла мимо возвышающейся статуи генерала Утроса, где угрюмый Сайрус почтительно поклонился давно потерянному военному герою. Другие члены его группы усыпали гранитный постамент ночными лилиями. Нежные бледные цветы засохнут в солнечном свете следующего дня, но Прячущиеся люди, почитающие древнего генерала, каждую ночь будут приносить свежие. Хотя Никки и не восприняла всерьез сомнительное пророчество о том, что их великий герой вернется, она решила не мешать. У нее были другие дела. Она направилась к пустому колодцу сильфида.

Поваленная статуя Кергана распростерлась на площади, голова была отделена от плеч, а каменная рука отломана чуть выше локтя. Лик императора сохранял надменное выражение. Даже не зная она жестокую историю Железного Клыка, то все равно испытала бы к нему неприязнь из-за его каменной ухмылки.

Однако Никки мало интересовал забытый тиран. Сейчас важнее всего была сильфида... сильфида, которая служила императору Сулакану и презирала всех, кто не следовал целям этого злодея. Во время Великой войны три тысячелетия назад сильфида была создана с помощью ужасной магии: пылкого добровольца превратили в существо из жидкого металла. Эта отчаянная молодая женщина отдала жизнь, чтобы стать нечеловеческим существом, обладающим силой переносить клиентов по тайной сети тоннелей. Никки не знала настоящего имени этой женщины, но та ставила свой

долг перед императором Сулаканом выше собственного счастья, своей семьи, любви, и даже жизни.

Никки подошла к стенам колодца высотой по пояс, за которыми была бездна. Камни были скреплены друг с другом и подогнаны так плотно, что она едва могла разглядеть швы. Из глубины доносился запах сырости.

Она уже много раз путешествовала в сильфиде, погружаясь в аморфную серебристую субстанцию и мчась по незримым коридорам. Сильфида доставила ее сюда, в Ороганг, и сказала, что Ильдакар исчез. Они обе пострадали из-за неожиданного отклонения от цели.

Хуже того, Никки нечаянно обмолвилась сильфиде о поражении Сулакана, сказав, что древний император давно мертв. Капризное создание ушло, поклявшись никогда больше не помогать ей.

Перегнувшись через низкую стену, Никки ощутила гулкую тишину в глубине колодца.

— Сильфида! Я желаю путешествовать.

Слова повторялись эхом, как брошенные камни, отскакивающие от стен и не способные достичь дна. Не ожидая немедленного ответа, она прислушалась, но шипения приближающегося существа не было слышно. Никки всматривалась в глубину и думала о той черноте, что таилась в ее собственном сердце. Теперь она была сильнее, выше этого.

— Сильфида! — снова позвала она. — Я приказываю тебе. Я желаю путешествовать. Ты была создана переносить путников, и ты переносила меня раньше. Доставь меня обратно в Серримунди. — Она повысила голос. — Верни меня обратно! Сейчас же!

Слова гулко отражались от стен, падая в пустоту. Она ухватилась за край колодца, крепко сжимая холодный камень. Она добавила к крику темную сторону своего дара — магию Ущерба, — при помощи которой когда-то служила

Владетелю, присовокупив также магию Приращения. Она призывала сильфиду, используя все способности. Только тот, у кого были обе стороны дара, мог призывать сильфиду, и теперь Никки умоляла ее.

Серебряная женщина ее проигнорировала.

Если она не убедит сильфиду перенести ее в один из крупных городов, Никки придется идти пешком. Но если Ильдакар исчез, то путешествие через континент может занять месяцы, а то и больше. Куда она пойдет? Вернется в Серримунди?

— Сильфида! — крикнула она еще более отчаянно. У Никки не было способа заставить или подкупить существо; она даже представления не имела, чего может хотеть сильфида.

И тут Никки поняла, что ей есть что предложить! Она расстроила серебряное создание, сказав, что Сулакана больше нет, но более ничего не объяснила. Эта женщина отказалась от человечности, потому что была предана древнему делу. Сильфида захочет узнать ответы о своем священном лидере, а Никки была ее единственным источником информации. Рискованно, но может сработать. Неплохая приманка для сильфиды.

Никки склонилась над колодцем:

— Если доставишь обратно в Серримунди, я расскажу, что случилось с Сулаканом. Все, каждую деталь. Я поведаю историю о том, как он потерпел поражение в своей первой войне, как вернулся из мертвых, чтобы снова возглавить армии — и это было всего год назад. Можешь ли ты существовать, пребывая в неведении? Я многое расскажу. — Помолчав, она сказала громче: — Спустя три тысячи лет Сулакан вернулся как повелитель мертвых и снова почти завоевал мир — пока ты спала. Я расскажу, как ты могла ему помочь. Разве не хочешь знать?

Она согнулась над колодцем и ждала, прислушиваясь. Неужто соблазн недостаточно велик? Она не слышала ничего, кроме шуршания Прячущихся людей в темноте города.

— Дело твое, сильфида, — крикнула Никки громче, — и только у меня есть ответы! Я могу все рассказать. Если не можем добраться до Ильдакара, тогда доставь обратно в Серримунди. Я могу многое тебе открыть. Разве не хочешь узнать? — Она была уверена, что сильфида услышала, но ответа не последовало. — Разве тебе не нужно знать?

Всю ночь луна по дуге медленно двигалась по небу. Никки провела несколько часов, уговаривая сильфиду, завлекая ее, но безрезультатно. Когда ночь закончилась, Прячущиеся люди двинулись обратно к темным убежищам. Никки была уверена, что потерпела неудачу. Она застряла в самом сердце империи, которой больше не существовало.

Глава 17

Челюсти болотного дракона были так же сильны, как подъемные механизмы на главных воротах Ильдакара. Лила боролась с чудищем в лучах полуденного солнца. Она чувствовала, как острые зубы впиваются в ее кожу — монстр пытался откусить руку. Запах разлагающегося мяса в неровных рядах его зубов вызывал тошноту.

Она напрягла все мускулы, чтобы противостоять существу. Подлесок захрустел, когда покрытая чешуей рептилия зарылась когтистыми лапами в грязь в поисках опоры, но Лила оттолкнула соперника. Взметнулся бронированный хвост. Они были равны по силе, но болотный дракон был обычным тупым животным, а она — Морасит.

Лила поднажала, выдернула руку из его челюстей и повернулась, когда он удивленно отпрыгнул. Она сделала вы-

пад кинжалом в широко раскрытую пасть и погрузила в нее руку, пронзая розовую глотку. Лила продолжала давить, пока не достала до позвоночника.

Болотный дракон дергался в конвульсиях и вырывался, уже мертвый, но все еще смертельно опасный. Задыхаясь от усталости, Лила вытащила руку из клыкастой пасти и перекатилась на спину в грязную осоку. Болотный дракон хрипло выдохнул и задрожал в агонии. Лила поднялась на ноги вся в крови, слизи и грязи. Она пнула покрытую броней тушу подошвой сандалии, столкнув тварь в жижу.

Притоки и боковые течения вились среди растительности, напоминая змей. Мертвая рептилия плыла по мелководью, уносимая течением. Лила уже слышала всплески и шелест волн — все больше болотных драконов направлялось к источнику шума. Чешуйчатые хищники жаждали полакомиться человечинной, но были не против сожрать тушу и одного из сородичей. Мясо было мясом в смертельных болотах Киллрейвен.

Лила предпочла бы отдохнуть и поесть сама, но времени не было. Болотный дракон и так уже достаточно задержал ее. Она побежала по траве, шлепая по неглубокой грязи и подныривая под свисающие лианы и плети мха. Борьба наделала много шума, и Лила не хотела, чтобы ее выследили норукайские разведчики — хотя и была уверена, что сможет убить их всех. И она сделает это, когда придет время.

Лила ровной трусцой бежала вдоль реки. Три змеинных корабля уже скрылись из виду, и ей пришлось их нагонять. К счастью, на ночь налетчики вставали на якорь, чтобы в темноте ни на что не напороться. Она боялась не болотных хищников, а того, что потеряет Бэннона.

Многие годы она сражалась на арене с боевыми животными. В юности, когда еще только обучалась, Лила побеж-

дала любого противника, оттачивала навыки и получала защитные руны, которые наставники выжигали на ее гладкой коже. Умение сражаться пришло к ней так же инстинктивно, как умение дышать и есть. Она в одиночку с ножом могла убить колючего волка или кабана с бритвенно-острыми клыками. Ее спину до сих пор покрывали длинные шрамы после схватки с боевым медведем. Лила тогда убила его, хотя ее кожа висела клочьями.

Став полноправной Морасит, Лила начала обучать рабов арены. Некоторые хватались за возможность прославиться, в то время как другие ненавидели ее за это. Лила не испытывала ни к кому из них симпатии. Ее работой было превратить учеников в умелых воинов, нравится им это или нет. Она гордилась тем, чего достигла.

Бэннон был одним из самых трудных учеников, и она была особенно довольна им. Вот почему она защищала юношу, вот почему вознаграждала своим телом и почему испытывала к нему привязанность вопреки здравому смыслу. Бэннон был искренним и преданным, в отличие от любого другого раба, которого она могла встретить в Ильдакаре. Из-за своего рвения он часто казался наивным, иногда до абсурда, но за оптимизмом скрывалась глубокая тьма, шрамы от невыразимой боли, которую он пережил. Лила помогла ему обрести равновесие, чтобы он мог стать лучшим бойцом, лучшим убийцей.

Еще недавно она воспитывала бойцов арены для развлечения ильдакарской знати, но теперь она понимала, что есть и более важные дела, которые она и Бэннон могли бы сделать вместе. Но сначала ей предстояло освободить его.

У нее все еще был его меч. Этого оружия было достаточно для достижения цели. Бэннон с Крепышом в руках сражался против нее в тренировочных ямах, поэтому она знала,

что клинок был твердым и острым. Она рубила им колючие лозы на своем пути.

Лила выбежала на болотистую поляну у излучины реки. Впереди, в широком русле, виднелись пятнышки — норукайские корабли. Она знала, куда они идут, и продолжила бег. Кусачие мошки вились у ее лица, привлеченные потом и запахом крови, и приходилось отмахиваться. Опасности болота были просто неудобством. Она должна нагнать змеиные корабли. Лила отказывалась терять надежду. Они не уйдут от нее.

* * *

Корабли короля Скорбь шли вниз по реке, и на их пути стояла маленькая прибрежная деревушка. Лила знала, что норукайцы не смогут устоять перед такой добычей.

Она бежала все время от полудня до заката. В стущающей темноте впереди она увидела горящие хижины, разбитые причалы, лежащие повсюду тела. Даже сквозь шум болота она слышала слабые крики и вопли. Лила прибавила скорости, но к тому времени, как она добралась до деревни, живых осталось совсем немного.

Три змеиных корабля бросили якорь в рукаве реки; уродливые налетчики подплыли к берегу на лодках и напали на рыбацкое поселение. Подбежав ближе, уверенная, что опоздала, Лила взглянула на последствия и вдохнула горький дымный воздух. Вдоль берега стояли два десятка хижин из тростника и ивы, а в воду от них уходили шаткие причалы. Другие дома расположились дальше от реки, среди деревьев. Рыбацкие каноэ были разбиты, потоплены или дрейфовали на воде. На возвышенности над берегом стояли хранилища. Все они горели. Норукайцы грабили деревушку уже несколько часов.

Ли́ла подкрадывалась, придерживаясь кустов. Она слышала гортанные выкрики налетчиков, стоны и всхлипывания пленников. Несколько домов на окраине поселения были объаты пламенем, и она слышала крики людей, запертых внутри. Пробегая мимо костров, она видела раскиданные трупы жителей, изрубленных на куски — старух и детей, которых сочли бесполезными. Сильных мужчин и женщин, должно быть, утащили на змеиные корабли, чтобы продать в рабство.

Поодаль от берега реки полыхала хижина, и Ли́ла услышала детский плач. Безжалостные норукайцы подперли дверь перевернутой телегой, чтобы никто не мог сбежать. Возле двери лежал мертвый мужчина с выпотрошенными внутренностями, все еще сжимая в руке треснутый багор. Ли́ла сразу все поняла: отец пытался защитить детей и свой дом, но норукайцы убили его, а затем заперли жертв внутри и подожгли. Она представила себе, как гоготали налетчики.

Крики становились все громче, все отчаяннее. Испуганные вопли продолжали доноситься из деревни, но Ли́ла не могла спасти всех. В голове Ли́лы звучал голос Бэннона, настаивающего на том, чтобы она старалась изо всех сил и спасла как можно больше людей. Не раздумывая, она бросилась к перевернутой телеге, забаррикадировавшей хижину. Ударом ноги Ли́ла оттолкнула ее и дернула хлипкую дверь.

Три девочки, покрасневшие, покрытые сажей, стояли на коленях и кашляли. Поток свежего воздуха рассеял клубы дыма. Старшая из девочек переступила через порог и уставилась на распростертое тело отца, лежащего лицом вниз, но Ли́ла схватила ее за руку, развернула и подтолкнула всех троих в другую сторону, прочь от горящего дома.

— В лес! — прошипела она. — Бегите и спрячьтесь среди деревьев. — Она уловила краем глаза другие фигуры,

бегущие из деревни. — Там найдете других. Оставайтесь с ними.

Прежде чем три девочки успели убежать, из соседнего амбара появился здоровенный норукаец. Он заметил девочек, Лилу и его покрытое шрамами лицо исказила голодная усмешка.

— Живо! — крикнула она девочкам, и те бросились к деревьям.

Она осталась стоять лицом к лицу с головорезом. Лила вытащила Крепыша, схватив меч за обтянутую кожей рукоять и прыгнула вперед, удивив налетчика. Его разрезанный рот открылся в вызывающем реве, но не успел он ничего понять, как Лила сделала боковой выпад и вспорола ему живот. Норукаец издал булькающий звук, когда его внутренности выпали, будто расползающиеся из корзины змеи.

Лиле хотелось бы, чтобы он медленно умирал от ужасной раны, но норукаец производил слишком много шума. Она отрубила ему голову и двинулась дальше, радуясь, что спасла трех девочек, но желая сделать больше.

Она увидела четыре лодки, плывущие к стоявшим на якоре судам. На некоторых теснились пленники, другие были нагружены мешками с зерном, грудями копченой речной рыбы, бочонками, украденными из деревни. Лила сжала рукоять меча, желая убивать норукайцев.

К счастью для нее, несколько налетчиков все еще грабили и жгли дома. Они отстали от основной группы и просто развлекались. Ей тоже будет весело. Один мужчина издевался над рычащей собакой, привязанной к столбу, пока наконец не потерял терпение и не отрубил ей голову. Двое других повалили и насильовали рыдающую женщину средних лет. Лилу охватила ярость. Она отбросила осторожность и побежала к ним.

Когда один из норукайцев закончил с женщиной, он недовольно хмыкнул, потому что та обмякла. Раздраженный, он ударил обнаженную женщину ножом в сердце, а потом высвободил оружие, поправляя на себе пояс из акульей кожи. Ее предсмертный вздох прозвучал как облегчение.

Все случилось до того, как подросла Лила. Она не привлекала внимания криком, потому что это было бы пустым сотрясанием воздуха. Вместо этого она бросилась вперед с поднятым мечом Бэннона. Она не могла оставить этого человека в живых после того, что он сделал. Когда насильник повернул к ней свое отвратительное лицо, демонстрируя разрезанный рот, Лила так яростно полоснула ему по горлу, что чуть не отрубила голову. Он с бульканьем рухнул на свою жертву.

Второй налетчик, ожидавший очереди, держал теперь уже мертвую женщину. Он издал удивленный крик, отшатнулся, схватил боевой топор и отвел руку для удара, но расстегнутый пояс спутал его ноги. Он споткнулся.

Лила не позволяла эмоциям возобладать. Она ткнула его мечом в живот и провела лезвием вбок, как сделала это с мужчиной у горящей хижины. Падая, налетчик потянулся к ней одной рукой.

— Я позволю тебе умереть не сразу. — Она отпихнула его ногой в клубок его собственных внутренностей.

Пожары продолжали бушевать, и Лила услышала стоны и панические крики из другого забаррикадированного дома. Она откинула препятствие, освобождая людей, и побежала дальше, пока спасенные выходили на воздух, шатаясь и кашляя.

Пробираясь через деревню, она бросала короткие взгляды на лежавшие повсюду окровавленные тела. Один старик лежал возле обломков стеллажа для сушки рыбы, на его боку была глубокая рана. Старик потянулся к Лиле, когда Мо-

расит опустилась на колени рядом с ним, но она много времени провела на боевой арене, и знала, что его рана смертельна.

Она взгляделась в темный низкорослый лес, в ивовые заросли и увидела еще несколько бегущих вглубь леса фигур — выжившие семьи, отчаянно ищущие убежища. Хорошо. Может быть, выжило даже больше.

— Норукайцы, — сказал мужчина, шевеля пальцами.

Она стиснула его руку. Ей казалось, что он хотел этого.

— Я знаю, кто они. Я убью их столько, сколько смогу. —

Она уже приняла решение, но старик желал это услышать.

— Убей их всех, — сказал он и испустил дух.

— Да. — Она встала и двинулась дальше.

К единственному уцелевшему причалу была привязана лодка налетчиков. На носу стоял норукаец, которому не терпелось отчалить. Остальные лодки уже плыли обратно к змеиным кораблям.

— Заканчиваем! — прорычал он своим невидимым товарищам в горячей деревне. — Король Скорбь не станет нас ждать, и я не хочу торчать здесь с этим сбродом.

Лила вышла из дыма на причал. Мужчина недоверчиво окинул ее взглядом. Несмотря на окровавленный меч в ее руке и кинжал на бедре, налетчик, казалось, счел ее подарком, а не угрозой. Он шагнул из длинной лодки на причал.

— Они отправили тебя ко мне?

— Владелец послал меня за тобой, и я отправлю тебя в его объятия. — Она сжала Крепыша обеими руками и нанесла удар.

Мужчина ошарашенно отскочил, едва избежав острия ее меча. Он потерял равновесие и упал в реку. Налетчик ревел и плескался, хватаясь за доски, силясь подняться и сыпля проклятиями. Лила замахнулась и отрубила ему обе руки по запястья. Когда он издал глубокий горловой крик и замахал

обрубками, из которых хлестала кровь, Лила вонзила Крепыша ему в шею. Его тело скользнуло на мелководе и поплыло по течению.

На середине протоки три змеиных корабля снялись с якоря и подняли темные паруса. Она не удивилась, что король Скорбь забрал добычу и ушел, даже не дождавшись всех своих людей.

Она стояла на краю причала и смотрела, как уплывают корабли. Она намеревалась сделать именно то, о чем просил ее незнакомый умирающий старик. Она убьет их всех и освободит Бэннона.

Глава 18

Вражеская армия пробиралась через предгорья, следуя по тому же пути, что и Натан со спутниками. Солдаты шли не единым строем, а рассредоточились, топча все на пути, разбивая лагерь для ночлега всего на несколько часов и двигаясь дальше, едва рассвет заливал небо. Отряд Натана спешил, но никак не мог оторваться от неутомимой армии.

— Мы уже убили очень много, а они продолжают идти, — тревожно сказал Ренн.

Оба волшебника стояли рядом. Натан думал о своих потерях, а не о потерях врага.

— Магия переноса Эльзы испепелила тысячи врагов на поле боя, но даже так они не заплатили достаточно высокую цену. — Натан покачал головой, краснея от гнева. — Она стоила больше, чем вся эта проклятая армия.

У другого волшебника были покрасневшие веки, а губы скривились в недовольной гримасе.

— А Лани? Она хорошо сражалась перед смертью?

— О да! — просиял Натан. — Добрые духи, во время нашей первой вылазки против генерала Утроса Лани своим даром заставила землю содрогнуться, в одиночку сровняв целые вражеские роты. Она произвела на меня большое впечатление.

Растрепанный волшебник вздохнул.

— Да, моя Лани была хорошим бойцом. Жаль, что меня не было рядом.

Торн и Лайес часто отлучались, чтобы поохотиться на вражеских разведчиков и отставших. Морасит тщательно подсчитывали убитых ими врагов. Хотя эти потери мало ослабляли войско, тела, обнаруживаемые каждое утро, вызывали немалое волнение в большой армии.

У генерала Зиммера не было достаточно лошадей, чтобы все могли ехать верхом, поэтому к скрытому архиву многие ехали по двое. Он послал вперед одного гонца, приказав скакать как можно быстрее, чтобы Твердыня успела подготовиться. Впрочем, ученые уже должны были знать об угрозе генерала Утроса — Зиммер послал сообщение несколько недель назад, после того как они уничтожили экспедиционный отряд под Кол Адаиром. Натан надеялся, что к этому времени ученые, имеющие богатое воображение, найдут новые способы защиты...

У Натана остались тяжелые воспоминания об архиве, о Поглотителе жизни и колдунье Виктории, и о трагической утрате юной Чертополох. Натан знал, сколько могущественных магических знаний хранится в Твердыне, и был уверен, что там есть что противопоставить генералу Утросу, но он также знал, как легко эта сила может выйти из-под контроля. Он поклялся быть бдительным, когда они будут обыскивать пыльную библиотеку в поисках защитных заклинаний. Что могла сделать их группа против армии, которая противостояла всем волшебникам Ильдакара?

Твердыня так хитроумно спрятана, что древняя армия могла просто пройти мимо, и никакие разведчики не обнаружили бы изолированные каньоны и архив. Только на это и оставалось надеяться.

Пересекая один поросший лесом хребет за другим, они видели впереди покрытые снегом горы, за которыми лежали каньоны западного склона. Зиммер и аббатиса Верна поскакали вперед и оказались в просторной висячей долине среди густых лесов. Пред ними раскинулся широкий луг, усыпанный цветами, словно какой-то амбициозный художник использовал долину в качестве огромной палитры. У растений были острые листья, мясистые зеленые стебли и насыщенно-фиолетовые цветы с алыми прожилками.

Когда отряд вышел из леса на цветущий луг, Эмбер издала радостный крик и соскользнула с лошади.

— Они прекрасны!

Оливер и Перетта присоединились к ней.

— Я никогда не видела столько цветов, — сказала девушка.

Верна вышла на луг:

— Они действительно прекрасны.

Генерал Зиммер смотрел прямо перед собой, словно выискивал путь сквозь цветочное море.

— Мы должны взять несколько образцов с собой в Твердыню, — предложил Оливер.

Запахавшиеся Натан и Ренн брели пешком, а солдаты уже столпились перед большим лугом. Натан чувствовал в воздухе аромат цветов. При виде такого количества распустившихся соцветий он ожидал услышать жужжание пчел, увидеть порхающих бабочек, но луг казался странно тихим.

Смеясь при виде этой красоты, Эмбер и Перетта вместе побежали к лугу, как дети, собирающиеся окунуться в оке-

ан. Натан почувствовал, как холод сжал его изнутри, и закричал:

— Стойте! Добрые духи, не ходите туда! — Но фыркание лошадей, голоса солдат и скрип доспехов заглушали его слова. Он глубоко вдохнул и закричал, используя дар, отчето в воздухе раздался раскат грома. — Стойте!

Одного этого громкого звука было достаточно, чтобы молодые люди остановились. Натан протиснулся сквозь толпу солдат к краю луга и в ужасе посмотрел на цветы.

— Я знаю эти растения. Это губительные цветы, сильнейший из известных ядов. Одного цветка достаточно, чтобы убить дюжину взрослых мужчин. Как я рад, что успел остановить вас!

Солдаты натянули поводья лошадей. Эмбер и Перетта отступили, и никто больше не осмелился подойти ближе. Тряхнув длинными белыми волосами, Натан осторожно приблизился к лугу, и Ренн с любопытством последовал за ним.

— Никогда не слышал о губительных цветах.

Орон подъехал к ним, гордо выпрямившись в седле, и насмешливо фыркнул.

— Мы прожили за городскими стенами полторы тысячи лет, Ренн. Много ли мы знаем о диких растениях?

Зиммер нахмурился, сидя в седле и глядя на цветочное море.

— Потребуется много времени, чтобы обойти луг стороной.

Словно приближаясь к ядовитому пауку, Натан наклонился к соцветиям, изучая лепестки, но не прикасаясь, — ярко-фиолетовые, прочерченные темно-красным, с золотистыми тычинками. Одно лишь прикосновение к любому из этих цветов привело бы к мучительной смерти.

— Император Джегань выращивал целые поля этих цветов, а затем испытывал яд на пленниках. Даже малейшего касания достаточно, чтобы вызвать сыпь, волдыри и ужасные нарывы. Еще немного больше — и ты умрешь.

Ренн почесал щетину на щеке:

— Здесь, должно быть, тысячи цветов.

Натан опустил голову, вспоминая большие темные глаза Чертополох и ее неизменный положительный настрой. Девочка съела один из губительных цветков, тем самым вынудив Никки убить ее, чтобы прекратить агонию. Никки оказалась перед ужасным выбором.

— Держите лошадей подальше, — сказал Зиммер и указал на край луга. — Пойдем вдоль деревьев на противоположную сторону, пока не дойдем до ручья, а потом будем держаться леса. — Он покачал головой. — Благодаря тебе, Натан, мы избежали опасности. Мы все были бы мертвы еще до того, как пересекли это поле.

Подбежавшие Морасит недоумевали, почему группа остановилась. Обе женщины не были впечатлены красотой цветов, но заинтересовались, когда узнали о смертельном яде.

Натан продолжал смотреть на луг, поглаживая пальцами подбородок и размышляя.

— Это очевидный путь через холмы. По крайней мере, часть армии генерала Утроса наверняка пройдет этим путем, — он одарил Ренна напряженной улыбкой. — Мы могли бы заманить сюда вражеских солдат и заставить их пройти через этот луг.

Глава 19

Оставаясь среди Прячущихся людей и обдумывая планы, Никки оправилась от последствий путешествия в сильфиде, и, наконец, дар набрал полную силу. Запертая в здании в дневные часы, она исследовала мрачные коридоры, в которых отражалось эхо ее шагов. Молчаливые обитатели, казалось, пребывали в таком же трансе, как и древний город. Аша, Кора и другие Прячущиеся давали лишь туманные ответы на вопросы об их жизни в Ороганге и наблюдениях за жисс.

— Это вы и делаете каждый день? — спросила как-то Никки, пока старуха ставила в вазу поникшие ночные лилии, чтобы разбавить освещенный факелами полумрак белыми всплесками. — Просто ждете и прячетесь? Неужели больше ничего?

— А что еще мы можем сделать? — ответила вопросом Кора. — Мы не осмелимся уйти, иначе жисс распространятся повсюду. Мы должны сдерживать их, а они остаются здесь из-за нас. Таково наше предназначение.

— Достаточно ли этого после стольких столетий? — Взволнованная Никки погладила мягкие стебли лилий. — Изменится ли это когда-нибудь?

— Ничего не изменится, пока не будут уничтожены жисс.

— А это когда-нибудь случится?

— Не знаю, как не знали и мои бабушки. — Кора опустила голову. — Можем только надеяться, что когда-нибудь кто-то из наших детей избавит мир от этого бедствия.

— Я не могу ждать так долго, — сказала Никки. — У меня есть и другие неотложные дела.

Кора продолжала расставлять цветы, служившие бессмысленным украшением. Разочарованная Никки вернулась в свою комнату и легла на спину, планируя, как покинуть

этот изолированный город без помощи сильфиды. Если Ильдакар снова укрылся под саваном вечности, то ничто не помешает генералу Утросу пронестись по всему континенту. А Никки заперта здесь и прячется от дневного света...

Она не заметила, что задремала, пока не очутилась среди ярких звериных мыслей. В состоянии сна ее тело изменилось, обретя форму рыжей кошки. Она кралась, глядя на мир глазами хищника. Запахи стали особым языком. Мрра!

Став частью разума песчаной пумы, Никки бежала без остановки, задыхаясь от усталости; подушечки больших лап стерлись и саднили. Она преодолела бесчисленные мили, мчась напрямик к цели, которая была так ясна в ее сознании: Мрра должна была найти сестру-пуму.

Никки оставила песчаную пуму, когда отправилась в сильфиде в Серримунди, но благодаря магическим узам эти двое оставались связанными. Четкого контакта не было уже так давно, что она боялась, как бы Мрра не разорвала связь. Большая кошка была отменным шпионом: бродила по периметру гигантской армии и передавала Никки все, что видела.

Никки поспешила выразить свою радость через магические узы. Она ощутила растущий трепет, когда поняла, что Мрра бежит, выслеживая ее в горах. Связь была слабой, но она знала, что пума недалеко. Мрра могла ощущать ее присутствие в своем сознании.

— Иди ко мне, сестра-пума! — прошептала Никки во сне.

Большая кошка зарычала на бегу сквозь лес. С помощью обостренных чувств Никки поняла, что Мрра сопровождают другие кошки. Когда-то давно песчаную пуму дрессировали укротители Ильдакара, обучая сражаться и убивать на боевой арене. С самого детства Мрра была связана с двумя другими песчаными пумами. Вместе они были тройкой. Они

сражались вместе, двигались вместе, объединенные душами. Когда Никки и ее спутники убили двух других кошек, Мрра была смертельно ранена и безутешна. Именно тогда Никки стала ее сестрой.

В своих одиноких странствиях Мрра встретила других больших кошек и приняла их в свой прайд. Хотя песчаная пума не понимала чисел, Никки чувствовала, что по крайней мере шесть или семь кошек бегут рядом с ней по горной местности.

— Иди ко мне, — пробормотала Никки в полусне, и Мрра в ее разуме взревела. Остальные пумы тоже подняли рев, и Никки погрузилась в глубокий сон, довольная тем, что они скоро воссоединятся...

Пробудившись несколько часов спустя, Никки, толком не оправившись после сна, отправилась в зал собраний, чтобы изучить рельефную карту и спланировать лучший маршрут через горы в Ильдакар, в Серримунди или в Танимуру. Она пыталась уговорить сильфиду, пообещав информацию об императоре Сулакане. Услышало ли серебряное создание? Ответа не было.

Пока Никки водила руками по карте, отыскивая возможные маршруты, в зал вошел один из мужчин в сером — угрюмый Сайрус, слишком веривший в легенду о генерале Утресе. Когда он увидел ее, выражение его лица сменилось чем-то средним между гневом и надеждой.

— Хотя ты дурно отзывалась об Утресе, мы уверены, что он жив. Он придет за нами, как и предсказывало пророчество.

— Ты слишком легко во все веришь, — сказала Никки. — Если б ты видел атаку генерала на Ильдакар, то не считал его так сильно.

— Император Керган приказал ему напасть на Ильдакар. Что еще ему оставалось делать? — Лицо Сайруса под

складками серого капюшона стало недовольным. — Даже если он последовал не за тем вождем, Утрос — великий военачальник. Железный Клык давно мертв, и Утрос может стать истинным правителем, в котором мы всегда нуждались. Наши люди станут частью его новой армии. Мы ему нужны! Прячущиеся люди — великая армия. Мы так долго его ждали.

— У Утроста больше солдат, чем ты можешь себе представить, — возразила Никки. — Чем вы ему поможете? Толпы людей считают себя армиями, пока не столкнутся с настоящим врагом.

— Прощу за мной. — Сайрус посмотрел с вызовом. — Я покажу.

Покинув зал собраний, Сайрус заскользил по каменным коридорам, пока не остановился перед запертой кладовой. Мужчина сделал глубокий вдох и потянул на себя дверь. Темное дерево было таким старым, что казалось окаменевшим; петли заскрипели, и дверь неохотно отворилась.

Когда свет факелов разогнал тени, Никки увидела огромное помещение, заполненное сверкающими мечами на стойках — оружия было достаточно для многотысячной армии. По углам, точно кукурузные колосья, стояли копья. На полках были сложены изогнутые шлемы, а на щитах виднелся символ пламени Кергана.

Сайрус поднял один из мечей.

— Мы точим их и смазываем, чтобы быть готовыми к тому часу, когда генерал призовет нас на войну. Мы тренируемся по ночам, упражняясь в фехтовании перед его статуей. — Он выглядел напряженным. — Мы долго ждали, когда нас призовут, но это случится. Мы знаем! Учитывая рассказы о генерале Утросте, мы не сомневаемся.

— У вас должны быть сомнения, — проворчала Никки. Несмотря на свой скептицизм по поводу слепой веры этого

человека, она восхитилась клинками и доспехами. — Вы многого не знаете о вашем герое.

— Я знаю все, что мне нужно знать, — оборвал ее Сайрус, — и мы готовы принять его.

Показав Никки арсенал, он выпроводил ее и закрыл дверь. Никки слышала, как в мрачных коридорах закрытых зданий шуршали одеждами Прячущиеся люди, их разговоры становились все громче. Солнце уже зашло, и люди снова могли свободно ходить по городу.

Глава 20

В закрытом трюме змеиного норукайского корабля разило потом, рыбой и страхом. Бэннон сгорбился на деревянной скамье, чувствуя, как кандалы словно челюстями сжимают запястья. Лязг тяжелых цепей был тише, чем стоны боли и страха. Бэннон заставлял себя оставаться сильным, ведь он продержался уже так долго.

Весла скрипели, пока рабы налегали на них, направляя змеиный корабль вниз по реке. Унылое биение барабана эхом отдавалось в трюме, где пленники изо всех сил старались не отставать от ритма. Они усердно трудились, чтобы избежать кнута надсмотрщика, которому не терпелось начать день с показательных избиений.

Открытые люки в корпусе должны были впускать солнечный свет и воздух, но едва справлялись. Напоминание о дневном свете и свободе было просто еще одной из пыток норукайцев. Ладони Бэннона, сжимавшие скользкое от пота весло, покрылись волдырями. Вместо стоны у него получалось лишь какое-то хрипкое карканье. Он не знал даже, сколько времени осталось до того, как ежечасное ведро

речной воды снова будет передано по кругу, и им в рот ковшом плеснут воду.

Мышцы на руках Бэннона трепетали до костей. Течение реки Киллрейвен тянуло вперед, и темные паруса ловили ветер, но король Скорбь настаивал на большей скорости, заставляя пленников потеть, истекать кровью и умирать, если придется. В то время как другие умоляли о пощаде, Бэннон не доставлял такого удовольствия покрытым шрамами налетчикам. Барабанный бой стал громче, и он напрягся, чтобы не отстать.

Их надсмотрщиком был угрюмый человек по имени Боско, склонный к метеоризму, чем только усиливал вонь в ограниченном пространстве под палубой. Его лицо покрывали татуировки и шрамы, но Боско был бы уродлив даже без увечий.

— Сильнее, черви! — проревел он, сидя под открытым люком. — Ленивые останутся голодными. Если хотите полуденного пиршества, то лучше нагулять аппетит. — Он рассмеялся, широко раскрыв обезображенный рот.

Желудок Бэннона сжался при мысли о тошнотворных рыбьих потрохах, которые ему плеснут в рот. Он голодал уже много дней и заставит себя проглотить пищу, несмотря на ужасный вкус.

Несчастный здоровяк, прикованный рядом, захныкал. Плечи его сгорбились и затряслись, а руки просто лежали на весле.

— Пожалуйста, гребни, — прошептал Бэннон, — помоги мне. Если они решат, что ты ленив, они отрубят тебе руки, а я не хочу, чтобы с тобой это случилось. — Мужчина вздрогнул, будто слова Бэннона были такими же острыми, как хлыст норукайцев. — Доверься, держись меня. Мы справимся.

Здоровяк мрачно ухватился за весло и потянул, хотя и не мог произнести ни слова. Этот мужчина, Эрик, был схвачен всего две ночи назад, когда змеиные корабли совершили набег на небольшую мирную деревню. Во время налета Мелок остался на палубе и подпрыгивал от возбуждения, наблюдая, как король Скорбь размахивает боевым топором и ведет за собой бойцов.

— Топор рубит древесину! Меч рубит кости! — прокричал альбинос и посмотрел на Бэннона так, словно слова имели особое значение.

С палубы главного корабля Бэннон наблюдал, как безжалостные норукайцы грабили и жгли поселение. Он жалел, что нет Крепыша или хотя бы палки, чтобы разбить лицо Мелку, или королю Скорбь, или корабелу Гаре, или надсмотрщику Боско. Сойдет любой норукаец.

Норукайцы разграбили поселение, захватили припасы, сожгли дома, убили детей, изнасиловали женщин. Они также пленили горстку сильных и здоровых мужчин, включая Эрика. После того как змеиные корабли снялись с места, Бэннон был рад узнать, что несколько норукайцев не вернулись: жители деревни, должно быть, оказали сопротивление. Теперь Бэннон и Эрик были прикованы к одной скамье, хотя у них было мало возможностей для разговора. Здоровяк был охвачен горем.

— Ты должен трудиться, чтобы они тебя не убили, — убеждал его Бэннон. — Я знаю, что все ужасно, и могу только догадываться о том, что ты потерял, но не сдавайся. Надо искать возможность сбежать. Ты узнаешь, когда придет время.

Все еще всхлипывая, Эрик кивнул.

— Они все мертвы...

Бэннон попытался придумать, как придать бедняге сил.

— Своей смертью ты не вернешь семью. Норукайцы не потерпят неповиновения. Мы для них не более чем улов.

— Ненавижу их. — У Эрика были лохматые каштановые волосы, борода, квадратное лицо и широкие плечи. Налетчики убили его жену и двоих детей, но его самого пленили, потому что он выглядел сильным. — Я их ненавижу, — повторил он.

— У нас много общего. Пресвятая Мать Морей, мы как-нибудь найдем выход. Держись меня и не сдавайся.

Над люком нависла тень, и король Скорбь что-то крикнул в трюм. Надсмотрщик прекратил барабанить, чтобы расслышать слова короля.

— Вы повержены. Вы — рабы. Вы служите норукайцам. Ваши жизни принадлежат нам, и мы можем забрать их, когда захотим, если вы не будете работать.

Закованные в цепи люди ссутулились на скамьях. Бэннон молчал, хотя вспышка гнева заставила его покраснеть. Эрик попытался подавить рыдания. Бэннону хотелось утешить его, но он мог предложить только пустую надежду и свой оптимизм. Себя же он успокоил обещанием, что убьет столько норукайцев, сколько сможет.

Боско поднял ковш чистой воды из стоявшего рядом деревянного ведра и отхлебнул, глядя на пленников, жадно смотревших на влагу. Без малейшего смущения он громко выпустил газы.

Скорбь свирепо посмотрел на надсмотрщика с верхней палубы.

— Почему ты перестал бить в барабан? Продолжаем движение.

Боско забил ритм быстрее прежнего.

После того как Скорбь отошел от люка, паучья фигура заглянула в вонючий трюм и стала спускаться по деревян-

ной лестнице. Мелок прошмыгнул вниз, зашлепав босыми ногами по лужам.

— Гребем, гребем, гребем! Мы вниз по реке идем! Вы все будете скорбеть! — Он резко остановился, увидев прикованного к скамье Бэннона. Он засеменил к нему, чтобы поиздеваться, хотя ему самому это казалось беседой. — Ты любишь грести? Тогда живее!

— Я ненавижу грести, — сказал Бэннон, а затем подумал о Яне, а также о семье Эрика, и обо всех жертвах, которые налетчики оставили после себя. — Я ненавижу норукайцев. Понимаешь почему?

С серьезным выражением лица Мелок склонил голову на костлявой шее.

— Некоторые норукайцы не очень милы.

Эрик отпрянул от тощего альбиноса, но внимание Мелка было приковано к Бэннону. Он сел на край соседней скамейки, ерзая, чтобы устроиться удобнее, будто это был обычный день в парке, и они были двумя друзьями, ведущими приятную беседу.

— Я хочу, чтобы все норукайцы сдохли, — сказал Бэннон.

— Даже я? — спросил Мелок. — Я твой друг.

— Друг? — Бэннон перестал грести. — Я прикован здесь как раб.

— Я угощаю тебя рыбкой, — сказал Мелок.

— Ты даешь мне рыбки кишки.

— Влажные и нежные кишочки. — Он облизнул губы. — Они хороши! Я это ем.

— Оставь меня в покое. — Бэннон принялся грести, потому что это было лучше, чем слушать насмешки альбиноса.

Эрик застонал и шмыгнул носом.

Мелок нахмурился, словно его обидели:

— Если не нравятся рыбки кишки, я отдам твою порцию ему, — он с негодованием посмотрел на нового пленника.

От этой мысли Эрик застонал еще сильнее.

— Почему ты все время пристаешь ко мне? — спросил Бэннон, гадая, можно ли считать Мелка неким странным союзником. — Ты не видишь, как жесток король Скорбь, как жестоки вы все, какую боль причиняете.

Эрик нашел в себе мужество повторить слова Бэннона:

— Я ненавижу вас всех.

Остальные рабы тоже что-то пробормотали. Все они слушали.

Мелок был удивлен и заинтригован, как будто он и впрямь об этом раньше не задумывался.

— Почему? Почему вы ненавидите? — Судя по выражению лица альбиноса, он ждал ответа.

— Ты и правда не знаешь? — поразился Бэннон. — Ты не видишь, какие ужасные вещи вы творите?

— Ужасные? Мы — норукайцы. Мы созданы для этого, — он почесал обезображенную шрамами грудь. — Ты бы хотел, чтобы мы были другими?

— Да! — Бэннон не был уверен, что сможет достучаться до этого чудака. — Норукайцы пытались схватить меня, когда я был мальчишкой, но я убежал. Вместо меня они забрали моего друга Яна и продали его Ильдакару в качестве раба для боевой арены. Он провел всю свою жизнь, подвергаясь истязаниям и тренировкам.

— Ах, чемпион, — сказал Мелок.

— Раб!

— Если его схватили, почему ты его жалеешь? — недоумевал шаман. — Это значит, что он был слаб. Если он сражался на боевой арене, у него, должно быть, была славная жизнь. Я знаю об Ильдакаре. Да, да, Ильдакар! Теперь

он исчез. — Альбинос нахмурился, оттопырив неровную нижнюю губу. — А чего ожидал твой друг?

— Ян ожидал нормальной жизни!

— Нормальной? — Мелок почесал растрепанные белые волосы. — Разве может быть жизнь лучше, чем у чемпиона? Возможно, вместо этого он мог бы стать норукайским воином. Была бы такая жизнь лучше?

— Нет! Он мог бы жить на острове Кирия. Он мог бы жениться, завести детей и жить в хорошем доме. — Бэннон вздохнул, горюя по утраченным надеждам своего друга.

Мелок грубо фыркнул:

— Слабость. Звучит как слабость. Думаю, он был сильным.

— Если б он остался дома, его бы любили, — сказал Бэннон. — Я любил его. Он был моим другом, и норукайцы забрали все это. У него была бы гораздо лучшая жизнь.

— Любовь... — Мелок нахмурился. — Не у всех есть любовь. Не у бедного Мелка. Все ли мы заслуживаем любви?

— Да, мы все заслуживаем любви, — сказал Бэннон, — даже если кто-то другой отнимает ее.

— Я никогда не знал любви. Мне этого не понять.

— Ты многого не понимаешь.

Шаман нашел это забавным и произнес нараспев:

— Любовь, любовь! Скорбь, Скорбь! Вы все будете скорбеть. Ко мне нет любви, я это видел. Никакой любви ко мне.

Мелок казался таким убежденным, что Бэннон ощутил странный миг извращенного сочувствия. Следы укусов и грубые шрамы на белой коже делали внешность шамана отталкивающей.

— Почему продолжаешь докучать мне? — спросил Бэннон в отчаянии. — Почему я особенный?

— Топор рубит древесину. Меч рубит кости! — Мелок постучал по виску: — Потому что ты в моей голове. Может, поговорив с тобой, я изгоню тебя оттуда. — На мгновение он задумался. — Вы все будете скорбеть. Плыдем, плывем, плывем! — Словно услышав какой-то тайный свист, Мелок соскочил со скамейки. — Поговорим позже. А пока гребь, гребь, гребь! Скоро снова выйдем в сверкающее море.

Оставив Бэннона в недоумении, альбинос побрел по нижней палубе, низко пригибаясь, хотя он был намного ниже балок. Он поднялся по лестнице на открытый воздух, а рабы с тоской смотрели ему вслед.

Глава 21

Адесса продолжала двигаться на север вдоль реки, русло которой постепенно расширялось, создавая лабиринт из болот, высоких тростников, медленных речушек и стоячих заводей.

Неся окровавленный мешок, она ступала по травянистым кочкам, торчащим из воды, иногда соскальзывая в вязкую грязь. Один раз она погрузилась в илистую жижу по пояс, но выкарабкалась, коря себя за неуклюжесть. Если она не будет осторожна, то может потерять трофей. Она несла голову главнокомандующего волшебника много миль и много дней. Адессе не терпелось увидеть выражение теплой благодарности на лице Торы, когда она откроет мешок и вытащит эту гниющую мерзость.

Пробираясь через болото, она чувствовала, как раздулась ноша у ее бедра. К этому времени голова Максима стала мягкой и податливой. В болоте было полно неприятных запахов, но сладкая тошнотворная вонь разложения облаком висела над ней. Она обошла стороной несколько рыбацких

поселений на излучинах реки, не желая ни вопросов, ни компании. Чем ближе она подходила к Ильдакару, тем опаснее становились болота и смертоноснее хищники. А сейчас она хотела двигаться как можно быстрее.

Она прижала пальцы к мешку, чтобы прикоснуться к слипшимся волосам своей жертвы и сочащейся жидкостью коже. На ткани появилось новое пятно гноя и порченной крови.

— Помнишь эти болота? — спросила она вслух. — Тот городок, где ты считал себя в безопасности? Кажется, он назывался Тарада. Я убила твоих последователей, а ты сбежал. — Она замолчала, ожидая, что его губы шевельнутся и заговорят. — Что? Не отвечаешь?

Уверенная, что в первый раз ей это не померещилось, она продолжала провоцировать дух волшебника прийти снова. Она точно знала, что глаза Максима открылись, что он действительно говорил с ней. С тех пор она держала голову в мешке, чтобы не дать ему снова ожить.

Но Максим не мог говорить с ней, потому что был мертв! Должно быть, это все ее воображение. И даже если волшебник вымолвит хоть слово, он уже потерпел поражение. Ему нечего ей сказать.

После наступления ночи Адесса разбила лагерь на пригорке из бурой травы и торфа, где можно было поспать. Поставив мешок на спутанную траву, она нашла мертвый болотный дуб с достаточно трухлявой древесиной, чтобы можно было наломать веток, а также собрала хворост и сухую траву для костра. Оранжевое пламя было единственным источником света поблизости. Адесса слышала жужжание болотных насекомых, крики ночных птиц и шорох ползучих гадов, которые охотились в темноте. Скрестив ноги, она сидела на замшелом камне — не особо удобном, зато твердом. Адесса не нуждалась в комфорте.

Она очистила толстый тростник и поджарила нежную съедобную мякоть. Днем она нашла ягоды и даже убила метательным ножом маленького болотного зайца, которого теперь освеживала и зажарила. Этого было достаточно для утоления голода.

Голова Максима по-прежнему была завернута в мешок, но Адесса не могла оторвать от нее глаз. Она видела только бугристые очертания под тканью, но знала, что он смотрит на нее желейными глазами. Его пухлые лиловые губы кривились в насмешливой улыбке.

Она услышала шепот среди монотонных болотных звуков:

— От меня не спрячешься, засунув меня в мешок.

— Ты не можешь говорить.

— Тогда почему ты мне отвечаешь?

— Ты мертв.

— Я не оспариваю этот факт.

— Так перестань говорить со мной! — Адесса так яростно вгрызлась в жареную кроличью ножку, что перекусила кость. Она выплюнула твердые осколки.

— Я все еще главнокомандующий волшебник. — Голос Максима был приглушен мешком. — Удивительно, но ты сумела меня обмануть. Это был единственный способ убить меня, но я все еще обладаю огромной силой, которую ты не можешь понять.

Адесса метнулась, распахнула мешок и вытащила голову.

— Замолчи!

Его почерневшая кожа обвисла как-то неправильно, и сочащиеся глаза стали яркими и живыми, обращаясь к ней.

— Я просто подумал, что тебе захочется поговорить. Не нужно грубить. На болотах одиноко, и у тебя нет другой компании. — Жуткое лицо ухмыльнулось. Один из расщепленных зубов вывалился из десны и упал в траву. — Мои

многочисленные любовницы говорили мне, что я очень приятный собеседник.

— Я не желаю с тобой разговаривать.

— Я знаю, чего ты боишься, дорогая Адесса. Ты боишься сойти с ума.

— Я не безумна!

Губы Максима приоткрылись.

— Стала бы здравомыслящая женщина разговаривать с гниющей головой посреди болота? — Его улыбка стала шире, так что разлагающаяся кожа треснула, и желтоватый гной потек на козлиную бородку. — Стала бы здравомыслящая женщина слушать ответы мертвеца?

Она отнесла мерзкий трофей к протоке с медленным течением рядом с пригорком и погрузила туда голову.

— Теперь тебя не будет слышно, — она встала, довольная собой.

Сквозь прозрачную воду она видела, как на нее смотрят глаза Максима, но из его рта не исходило ни звука.

Удовлетворенная, она вернулась к трапезе, доела кролика с горстью ягод, но не могла перестать думать о своем трофее. Она беспокоилась о разлагающейся голове под водой. А если течение окажется сильнее, чем она ожидала? Вдруг его унесет?

Она опустила на колени, чтобы проверить голову. Адесса встревожилась, увидев полдюжины бурых мальков, кусающих разлагающееся лицо. Маленькие рыбки бросились клевать открытые глаза, лакомясь кусочками гнилой плоти. Если рыба сожрет то, что осталось от главнокомандующего волшебника, у Адессы не останется ничего, кроме черепа, чтобы показать властительнице Торе!

С отвращением она опустила руку в воду, и рыбки устремились к зарослям тростника. Схватив голову за волосы, она вытащила ее и положила на траву. Вода смыла с его

кожи некоторые пятна, но Максим не стал более привлекательным.

Оказавшись на воздухе, он открыл рот и продолжил разговор, будто его и не прерывали.

— Ты не вернешься в Ильдакар.

Она фыркнула.

— А еще ты говорил, что я никогда не убью тебя, и все же мне удалось.

— Это другое. Я уже говорил тебе, что сейчас Ильдакар пал. Волшебники возвели саван вечности, и город исчез. У тебя нет дома.

— Я все равно пойду туда. Я тебе не верю.

— Даже если придешь туда, ты ни за что не найдешь Тору, — продолжил насмехаться Максим. — Увы, моя дорогая жена уже мертва. Ее дух сейчас в подземном мире — я сам видел. Владетель очень рад ее заполучить. Думаю, у него много общего с этой неприятной сукой.

— Ты лжешь! — Мысль о смерти властительницы ранила сильнее, чем любые другие его заявления. — Лжешь!

— Бедная Адесса, разве я в том положении, чтобы не знать? В конце концов, я тоже мертв, как ты сама мне напомнила.

— Тогда оставайся мертвым. Хватит болтать.

— Мертвые уже не те, что были, и я проходил туда и обратно сквозь завесу. Мы, высокомерные волшебники Ильдакара, сами нанесли ущерб порядку вселенной, превратив генерала Утроса и его армию в камень. Мы украли все эти души у Владетеля и удерживали их столетиями. Саван вечности также скрывал нашу знать от потока времени. Но Владетель терпелив. Он потребует то, что ему причитается. Он придет и за тобой, Адесса.

— Владетель всегда приходит, — сказала она. — Ты меня не напугаешь.

— Может, я все-таки останусь составить тебе компанию. Или, быть может, я смогу привлечь внимание Владетеля и заставить его прийти за тобой прямо сейчас.

— Замолчи!

Максим рассмеялся.

— Перестань смеяться! — Адесса сама не заметила, что кричит или даже визжит.

Мысли пульсировали в ее голове, и темное внутреннее сомнение заставило задуматься о своем здравомыслии. Главнокомандующего волшебника и его коварных насмешек было бы достаточно, чтобы свести с ума любую Морасит.

Костер потрескивал и щелкал, когда пламени попался влажный участок дерева. Дрожа от гнева, Адесса запихнула голову обратно в мешок, надеясь, что это заткнет ему рот.

— Можешь гнить там в темноте.

Она услышала шелест в ближайших кустах и всплеск воды: приближался кто-то большой. Насторожившись, Адесса схватила короткий меч и встала у костра. Это не было похоже на болотного оленя или медведя. Она думала, что костер отпугнет крупных хищников. Она присела, не издавая ни звука и прислушиваясь.

В круг света от костра бесстрашно шагнула стройная женщина, забрызганная грязью. Адесса была поражена, узнав скудный черный кожаный наряд, защитные руны на коже и светло-каштановые волосы.

— Не ожидала тебя найти, — сказала Лила, — но мне нужна твоя помощь.

Глава 22

Когда покрывало тьмы опустилось на руины Ороганга, двери дворца снова открылись. Прячущиеся люди выполняли те же задачи, что и бесчисленные поколения до них, не приближаясь к победе над жисс.

Никки исследовала улицы в поисках чего-нибудь полезного. Она осознавала опасность кровожадного облака, но не могла оставаться. В отличие от Прячущихся, Никки не могла удовлетвориться простым ожиданием. Поскольку сильфида отказалась отвечать, нужно было взять припасы и отправиться в путь пешком. Путешествие займет много дней или недель, но это был единственный вариант, если она надеялась хоть как-то перехватить генерала Утроса и его армию.

Перед статуей генерала группа из двадцати мужчин и женщин практиковалась с мечами из оружейного хранилища. Никки скептически наблюдала за ними. Они очень долго фехтовали друг с другом, используя одни и те же навыки и движения, но никогда не сражались с реальным противником. Она понимала, что если Сайрус и его ревностные последователи действительно присоединятся к Утросу, то они станут ее врагами. Они не понимали своих легенд.

Никки всю ночь обыскивала широкие улицы, площади, пустые проходы и переулки. Колодец сильфиды оставался безмолвным. Чаша амфитеатра была похожа на глубокий кратер посреди города, и Никки стояла на краю, глядя вниз. Она представила, как Керган там, внизу, живьем сдирает кожу с Мэджел, а затем запускает плотоядных жуков в ее раны. Неудивительно, что люди восстали и свергли его, снесли его высокую статую.

Внезапно она ощутила присутствие мощного и опасного существа. Она выхватила из-за пояса кинжал, когда коричневая тень перепрыгнула через поваленную мраморную ко-

лонну. Большая кошка бросилась к ней, и Никки ахнула, широко расставив руки. Песчаная пума с восторгом боднула ее, чуть не повалив, затем лизнула лицо шершавым языком. Смеясь, Никки обвила руками шею Мрра. Отстранившись, кошка прошлась вокруг нее, потерлась мехом о черное платье Никки, чуть снова не сбив с ног. Из груди раздавалось зловещее мурлыканье.

— Мрра, ты вернулась! — Никки крепко обняла крупную хищницу. Она многое потеряла, прошла через серьезные испытания, но одним лишь своим присутствием сестра-пума придала ей уверенности. — О, Мрра! Не могу даже представить, какое огромное расстояние ты преодолела. — Она прижалась щекой к мягкому меху.

Когда Никки заметила еще какое-то движение на краю площади, то поняла, что в город вошли другие кошки — дюжина или больше. Их глаза горели в тенях руин, но они не рисковали приблизиться, хотя Мрра убедила их присоединиться к ее прайду.

— Люди в этом городе — мои друзья, Мрра, — объяснила Никки. — Союзники. Твои песчаные пумы не должны причинять им вреда. Они не добыча. — Она сосредоточилась сильнее, надеясь, что Мрра сможет передать предупреждение другим пумам.

Никки услышала, как Прячущиеся люди по всему городу заговорили громче, и увидела слабое свечение, очертившее горы на востоке. Заря. Вспомнив, что случилось с двумя несчастными оленями, она встревожилась.

— Мрра, нам нужно уйти внутрь. Ты можешь укрыться во дворце со мной и моими друзьями. — Она притянула пуму за шею. — Но ты должна сказать остальным, чтобы они спрятались. — Она вызвала в своем сознании образ смертоносного роя жисс, который появится с восходом солнца. При обычных обстоятельствах песчаные пумы спа-

ли бы весь день в каком-нибудь темном укрытии, но она должна была их предупредить. — Скажи им, Мрра! Это очень важно.

Когда сестра-пума зарычала, другие кошки подернули хвостами, бросив последний взгляд на Никки, и кинулись в руины в поисках темного убежища. Никки поспешила вместе с Мрра ко входу во дворец. Кора и Прячущиеся люди с тревогой смотрели на хищника, держась поодаль.

— Она моя. Она не причинит вам вреда.

Люди в сером расступались, когда она вела Мрра к защищенным коридорам. Солнце еще только собиралось выглянуть из-за гор. По всему разрушенному городу были возведены баррикады, входы в здания закрывались, чтобы спрятать людей от солнца. В спешке Прячущиеся люди закрыли двери дворца.

В последнем проблеске света Никки увидела кружащее черное облако, вливающееся в Ороганг, как миллион ос.

Мрра зарычала, и Никки держала сестру-пуму, пока Прячущиеся запирали дверь.

* * *

Дикой кошке не нравилось заточение в каменных стенах. Мрра преследовали жуткие воспоминания об истязаниях, которые главный дрессировщик Айвен называл обучением. Через магические узы Никки видела вспышки воспоминаний о том, как котенок царапает и кусает железные прутья своей клетки. Мрра и ее сестры-пумы были свободны только тогда, когда их выпускали на кровавый песок арены. Сейчас же ей очень хотелось оказаться снаружи. Но Никки знала, что жисс сделают с любым живым существом. Она погладила рыжеватый мех пумы, проведя кончиками пальцев по шрамам от рун.

— Мне нужно, чтобы ты была в безопасности. Доверься.

Сегодня Прячущиеся казались напряженными и напуганными, но это никак не было связано с большой пумой, запертой вместе с ними. Они готовились сделать то, чего Никки прежде не видела. Группа людей, тихо переговариваясь, двинулась к забаррикадированному входу. Юная Аша поймала взгляд Никки и поспешила к толпе нервных мужчин и женщин в серых одеждах.

Заинтригованная Никки последовала за ними к закрытой главной двери, где в одиночестве стоял лицом к толпе мужчина средних лет. У него было усталое выражение лица и печальные карие глаза. Он собрался с духом и съел полную горсть мясистых ядовитых грибов, будто желая придать себе сил.

Прячущиеся люди смотрели на него с почтением. Несколько человек тронули его за руку.

— Спасибо, Кэл.

— Мы ценим тебя, Кэл, — говорили другие.

Женщина в серой одежде поцеловала его в щеку:

— О, Кэл... — Она не могла подобрать других слов.

Никки не понимала, что происходит. Кэл проглотил ядовитые грибы и повернулся к баррикаде, словно в транс. Двое мужчин поднимали перекладину, когда он, дрожа, стоял у двери.

Никки поняла, что они собираются выпустить этого человека на дневной свет. Хвост Мрра заметался, из ее горла донеслось низкое рычание, но Никки положила руку на спину пумы, успокаивая.

— Что он делает? — спросила она Кору. — Вы выпускаете его? А как же жисс?

Старуха повернулась к ней, и Никки увидела слезы на морщинистых щеках.

— Нам приходится делать это каждый месяц. Это единственный способ держать жисс под контролем.

Мужчины с силой потянули на себя тяжелые двери и распахнули их, позволяя солнечным лучам пролиться во мрак.

Кэл повернулся к собравшимся:

— Прощайте. Я... — Голос его дрогнул. Он устремился в яркое утро, натянув капюшон на голову, как человек, выходящий под ливень.

Прячущиеся люди придвинулись поближе, чтобы посмотреть. Отойдя от огромного здания, Кэл замер, стоя на открытом солнце, полный удивления. Медленно повернувшись, он откинул капюшон и поднял лицо к небу, щурясь от слепящего солнца и упиваясь теплом.

— Что он делает? Почему он жертвует собой? — Никки едва боролась с желанием протиснуться мимо этих людей и броситься спасти его. — Чего он добивается? Жисс съедят его.

Кора прищурилась:

— На это мы и рассчитываем.

Мужчина спокойно дошел до центра площади, оказавшись рядом с опрокинутой статуей Кергана. Он снял серые одежды и отбросил прочь. Кожа его была молочно-белой, полупрозрачной, а лицо выражало восторг. Он раскинул руки, чувствуя, как солнечный свет касается его обнаженной груди.

— Это моя награда! О, как славно солнце!

Люди внутри затихли, когда Никки услышала жужжание, от которого у нее заныли зубы и позвоночник. Мрра зарычала громче и прижала уши к голове.

Двигаясь среди высоких зданий, как бесформенный хищник, приближался черный рой из многих тысяч пятнышек. Кэл не открывал глаза, упиваясь солнцем и отказываясь смотреть на смертоносное облако. Рой закружился и сжался в клубок, затем покатился вперед, набирая скорость.

— Его высосут досуха, — сказала Никки. — Ты сказала, если жисс будут питаться человеческой кровью, их численность резко возрастет.

— Не с нашей кровью. — Кора указала наружу. — Смотри.

Взбудораженное ненасытное черное облако приближалось к жертве. Кэл повернулся к нему лицом и сжал кулаки. Он издал вызывающий крик, когда жисс окутали его, облепив тело, как было с двумя несчастными оленями. Спустя несколько мгновений мужчина превратился в смутную человеческую фигуру, закутанную в черное.

Размахивая руками, Кэл упал на колени, а затем рухнул лицом вниз на каменные плиты. Еще больше жисс атаковали его, чтобы напиться крови. Жужжание становилось все громче, словно надвигалась гроза.

Наедаясь, отдельные пятнышки поднимались с тела, как крупные капли дождя. Облако стало темно-красным и отяжелело от крови Кэла. Но вместо того, чтобы улететь, как это было в случае с оленями, крапинки меняли цвет. Багровое от крови Кэла облако принимало жуткий коричневато-фиолетовый оттенок. Сотни, тысячи жисс вздувались, тряслись, словно дрейфующие гнойники, и взрывались в воздухе, разбрызгивая темные пятна по площади. Все жисс, которые испробовали крови Кэла, разбухали и умирали.

— Поскольку мы всю жизнь питаемся ядовитыми грибами, наша плоть и кровь для них смертельны, — объяснила Кора. — По отдельности у жисс нет разума, только инстинкт. Вот как мы держим рой в узде. Кэл только что уничтожил большую их часть. Каждый месяц мы выбираем новую жертву, чтобы ограничить рост облака. — Старуха продолжала с тоской смотреть на солнце. — Жисс на какое-то время усваивают урок, а потом забывают.

Никки смотрела, как мерцающее черное облако рассеивается, а уцелевшие жисс бесцельно улетают прочь от иссохшего тела.

— Все поколения до нас приносили себя в жертву, — продолжала Кора. — Когда-нибудь я вытащу меченый жетон и выйду отдать свою жизнь, как это сделал Кэл. Мы только надеемся, что нас в Ороганге будет достаточно, чтобы помешать жисс рыскать где-нибудь еще.

Когда часть черного облака направилась ко дворцу, Прячущиеся люди закрыли дверь и опустили перекладину на место.

Подошла Аша, глаза ее сверкали.

— Это наш клятвенный долг, даже если никто не знает, что мы делаем.

— Теперь я это знаю, — сказала Никки. — Но вам неизвестно, как их уничтожить. Если вы намерены сделать это, почему бы вам не послать сразу пятьдесят человек в качестве жертвы? Если каждый из вас уничтожит столько жисс, сколько уничтожил Кэл, то, несомненно, это истребит весь рой.

— Мы пробовали много раз, — сказала старуха, качая головой. — Некоторое число жисс удалось одурачить, но другие улетали. Многие из нас погибли, а черное облако до сих пор возвращается.

Аша потянула Никки за руку, с мольбой глядя на колдунью. На бледных щеках девушки виднелись дорожки слез.

— Ты великая колдунья, Никки. Ты можешь помочь? Можешь найти способ уничтожить жисс? — Она опустила голову. — Или просто оставишь нас?

Совсем недавно Никки начала терять терпение от этих мрачных пассивных людей и почти решила отправиться в путь пешком. Она не могла игнорировать угрозу, исходящую от генерала Утроса, но теперь по-другому посмотрела

на опасность, исходящую от жисс. Если смертоносное черное облако когда-нибудь покинет разрушенный город и распространится, поглощая деревни и каждый раз удваиваясь, то весь мир покроется черным кровососущим саваном.

Никки вспомнила слова, что ведьма Рэд когда-то написала в книге жизни Натана: «*А колдунья спасет мир*». Она согласилась на эту миссию по своим собственным причинам. После того как Ричард открыл ей другой взгляд на жизнь, другую роль, которую она может сыграть, ее сердце из черного льда растаяло достаточно, чтобы позволить себе любовь и долг.

Колдунья спасет мир.

Никки увидела робкую надежду на их лицах.

— Я найду способ. — Она не позволила сомнению проникнуть в ее голос или в сердце. Когда Никки решалась на невозможное, обычно у нее все получалось. — Я найду его.

Список произведений Терри Гудкайнда

МЕЧ ИСТИНЫ

- Первая исповедница (2012)
Долги предков (1998)
Первое правило волшебника (1994)
Камень слез (1995)
Защитники паствы (1996)
Храм Ветров (1997)
Дух огня (1999)
Вера падших (2000)
Столпы Сотворения (2002)
Голая империя (2003)
Огненная цепь (2005)
Призрак (2006)
Исповедница (2007)
Машина предсказаний (2011)
Третье царство (2013)
Разлученные души (2014)
Сердце войны (2015)

ХРОНИКИ НИККИ

- Госпожа Смерть (2017)
Саван вечности (2018)
Осажденные камнем (2018)
Сердце из черного льда (2020)

ДЕТИ Д'ХАРЫ

- Угольный человек (2019)
Мерзкие твари (2019)
Пустошь (2019)
Ведьмовская клятва (2020)
Врата во тьму (2020)

ТРИЛЛЕРЫ

- Скверна (2016)
Отродье (2018)
Девочка с луны (2018)
Шальная Ванда (2018)

НОВЕЛЛЫ

- Закон девяток (2009)
Небесные люди (2019)

Оглавление

Глава 1	5	Глава 12	81
Глава 2	12	Глава 13	85
Глава 3	18	Глава 14	93
Глава 4	27	Глава 15	99
Глава 5	35	Глава 16	103
Глава 6	42	Глава 17	108
Глава 7	48	Глава 18	116
Глава 8	58	Глава 19	121
Глава 9	66	Глава 20	125
Глава 10	72	Глава 21	132
Глава 11	76	Глава 22	138